

18+

Валерий Тимофеев

Вопреки всему

Валерий Тимофеев

Вопреки всему

«Издательские решения»

Тимофеев В. В.

Вопреки всему / В. В. Тимофеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749118-5

Ранее эти истории звучали на семейных встречах; автор перенес истории на бумагу, сохранив ритм и выразительность устной речи. Разнообразие тем и форматов соответствует авторской любознательности: охотничьи байки про Северный Урал и Дальний Восток, фельетоны о советской армии, лубочные зарисовки «про 90-е» — меняются стиль, эпохи и форматы, непреложно одно: каждая история, так или иначе, происходила в жизни автора. Для широкого круга читателей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-749118-5

© Тимофеев В. В.
© Издательские решения

Содержание

Байки неисправимого романтика	6
1990—2003. Выползок	9
1990—2003. Первый в сезоне соболь	13
1961—2002. Дед Ипат	16
Варнак	22
Рогатина	23
Хамсара	24
1962—2010. Кын	25
1962—2004	27
Мишаня	27
Потопленец-1	30
Чудо-юдо	31
Потопленец-2	34
1962—2007.	35
1945—2008. Детские зарисовки	38
День Победы	39
Выселение	40
Золото	41
ТТ	42
Патрон	43
Косалка17	44
Кадетство	45
Дядя Петя	47
Пятьдесят третий	49
Мама	50
1957—2006. Завод	54
1960—1970. Подлянки	57
Дядя Вася	58
Рыба	59
1 мая 1960-го	60
1963—2003. Солдатские байки	61
Песня	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вопреки всему

Валерий Владимирович Тимофеев

Редактор Ю. Безуглова

Редактор К. Генрих

© Валерий Владимирович Тимофеев, 2017

ISBN 978-5-4474-9118-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки неисправимого романтика

Одиночество в тайге – крепкая отравка. Однажды ее хлебнувший, если он чего стоит, не может уже отказаться, а отказавшись поневоле, страдает как о невозможной, невосполнимой потере в жизни...

Не знаю, как у вас, а у меня слово «романтик» сразу вызывает ассоциацию с лохматым недотепой-идеалистом, вдохновенно несущим дурно рифмованную ахиною и совершенно не приспособленным к нормальной жизни. Не мудрено, ведь нынче в моде отнюдь не романтика, а успешность (по-моему, крайне гадостное слово) во всех сферах жизни: от карьеры и до спорта. Невольно вспомнишь профессора Опира, рожденного пером братьев Стругацких в те славные времена, когда слово «идеалист» еще не было ругательным.

Итак, сразу определимся, что наш романтик не имеет никакого отношения ни к «юноше бледному со взором горящим...», ни к тем хорошо упакованным экстремалам, которые на немалые, обычно спонсорские деньги предпринимают хорошо продуманные и всесторонне освещаемые прессой «авантюры». Он, скорее, один из последних представителей уже вымирающего вида – тех редких мужчин, внутри которых, независимо от возраста и «занимаемой должности», по-прежнему живет любопытный и бесстрашный мальчишка. Они иногда абсолютно непредсказуемы в общении и порой невозможны в быту, но, если вам посчастливилось называть такого человека другом, уж будьте уверены, эта дружба – на всю жизнь.

Что же касается баек... Кто из нас, затаив дыхание, не заслушивался рассказами рыбаков и охотников, будучи при этом твердо уверенным в том, что захватывающие дух приключения, леденящие душу опасности и, главным образом, размеры и ценность добычи – вранье чистой воды. Но это ни в коей мере не мешало нам наслаждаться повествованием. Редкому представителю рода человеческого не хочется в глазах окружающих выглядеть лучше и значительнее, чем он есть на самом деле. Это естественное и вполне понятное желание. Однако мало кому действительно удалось ощутить на своей драгоценной шкуре все прелести немудрящей таежной жизни одинокого бродяги, который может рассчитывать только на себя любимого, потому что до всех остальных еще нужно добраться, а дело это крайне хлопотное.

Ну вот, с романтиком и его байками мы, пожалуй, разобрались. А что касается неисправимости... Не знаю, что по этому поводу думаете вы, а я считаю, что есть вещи, пытаться исправить которые по меньшей мере глупо. Особенно когда ничегошеньки в них не понимаешь. Лучше просто прочитать и самому решить – а стоило ли?

Ю. Безуглова

Желание странствовать – не профессия, а склонность души.

О. Куваев

На моем корабле множество флагов, но среди них нет белого.

Т. Тернер

1990—2003. Выползок

Это было тринадцать лет тому назад... Всхлипывания и подвывания стареющего вертолетного двигателя бальзамом ложились на мою сладко дремлющую в объятиях пуховой куртки душу. Остались позади как всегда взбалмошные сборы, дикий дефицит времени, несданные проекты, разъяренные заказчики и весь шумный, грязный, суетливый и упивающийся своей самостью полуторамиллионный монстр. Хлюпающие звуки вращающегося винта и зубодробящее дрожание корпуса МИ-8 уносили меня вперед, опережая время, в безмолвный, на первый взгляд, мир заснеженной зимней тайги, в мою старую добрую избушку в излучине чудесной речки Черной, к потрескивающему сыроватыми дровами огоньку, уютно уютившемуся в чреве старой печки, с потрескавшимися кирпичами и лопнувшей чугунной плитой. Вялые мысли, слабо цепляющиеся друг за друга, блаженное состояние пятидесятилетнего организма, балдеющего от предстоящего, резко отличалось от скованно-окаменелой позы моего старого друга, единственного хвостатого существа, на которое я рассчитываю в этой жизни, как на самого себя, моего верного пса Соболя, не боящегося ни бога, ни черта, а сейчас изображающего «собаку табака» и, на данный момент, самого несчастного пса на свете, который считал, что страшнее вертолета ну ничего на свете не бывает. А тем временем это гремящее страшилище проглатывало километр за километром укрытой свежим снегом уральской тайги, приближая меня к исходной точке очередного охотничьего отрыва, к заброшенному на северо-востоке Свердловской области селу Александровское. Одним словом, я вновь летел в тот мир, где по-настоящему чувствовал себя в своей тарелке, независимым и раскрепощенным существом с освобожденными инстинктами и жадой восприятия окружающего мира без всякого рода условностей и ограничений.

Легкий толчок в правое плечо вывел меня из этого блаженного состояния. Борттехник, яростно жестикулируя конечностями, на популярном русском языке объяснил, что посадки не будет, вертолет зависнет, освободится от почты и от меня и рванет дальше, неся в своем чреве произведения эпистолярного жанра заброшенных к черту на рога соотечественников. В бешеном снежном вихре, поднятом вращающимися винтами, спрыгиваю на мерзлую землю и волоку тяжеленный рюкзак к темнеющей неподалеку изгороди. Бедного, обалдевшего от происходящего Соболя прямо на руках транспортирую к валяющемуся на снегу рюкзаку и пристегиваю карабином к одной из лямок. Короткая перебежка за оставшимся в салоне оружием была прервана гомерическим хохотом борттехника, судорожно тычущего пальцем куда-то мне за спину. Оглянувшись, с ужасом лицезрею душераздирающую картину – дрожащий, с прижатыми от страха к голове ушами, мой любимый «собак» льет тугую желтоватую струю на ту часть рюкзака, коей уготована роль в течение месяца тереться о мою спину. Грохот вертолета и хохот экипажа растаяли в вечернем небе, сопливый почтальон исчез в неизвестном направлении, сконфуженный пес, пытающийся загладить свою вину неискренним лизанием рук, и дымящийся на морозе рюкзак ознакомили начало моего долгожданного отпуска.

Соскоблив ножом схваченную свежим морозцем собачью мочу, вползаю в лямки, поднимаюсь, слегка подпрыгиваю, умащивая груз на спине, поднимаю ружье, подсвистываю прячущую глаза собаку и, крикнув для начала, начинаю шевелить ногами в сторону брошенной людьми деревни Чебоксары, расположенной на краю огромного и летом непроходимого Чебоксарского болота. Несколько километров по разъезженной и окаменелой грунтовой дороге пролетели незаметно. В быстро спускающихся сумерках на фоне зажигающихся на небе неестественно ярких звезд темным погостом нарисовались разрушенные крыши и покосившиеся стены умершей деревни. Захлопнув скрипучую дверь мало-мальски сохранившейся избы,

быстро распаковываю рюкзак, затапливаю русскую печку, стелю каремат¹ и спальник под уютное шкворчание закипающей каши. Разомлевший Соболев с высунутым от нахлынувших чувств и запахов языком старательно отслеживает глазами траекторию моих рук, щедро упихивающих в котелок куски говяжьей тушенки. Пока допревает каша и заваривается чай, выскакиваю на улицу и вприпрыжку добегаю до начала болота, подсакиваю и несколько раз с разгона бью пятками сапог по льду, проверяя его крепость. Пятнадцатиградусный мороз сделал уже свое дело. Несмотря на то, что на улице еще 3 ноября, слой льда достаточно толст, чтобы не разрушиться от моих посягательств на его девственность.

Набив животы, укладываемся вдвоем на полу рядышком с печкой и начинаем разглядывать в свете дрожащего пламени свечи пятисотметровую карту, на которой прямой полосой отмечен наш путь. А путь этот пролегает через шестикилометровый участок чистого болота, несколько километров заболоченного мелколесья и сорок километров дремучей тайги, заканчиваясь на излучине речки Черной, на крутом косогоре, где в окружении вековых сосен уютно притулилась старая и насквозь знакомая промысловая избушка. Там, забросившись моторкой еще в начале октября, ждет меня мой старинный друг, охотник-промысловик Стас Дерябин, закончивший когда-то Казанский авиационный с красным дипломом и плюнувший в конце концов на весь этот безумный мир с высокой колокольни. Умница и рукодельник, суровый в делах и теплый в личных взаимоотношениях, не терпящий фальши и предательства, самолюбивно любящий тайгу и знающий о ней практически все, он позвал меня на соболиную охоту, считая, что мои обычные сентябрьские набеги в эти края, когда я на байдарке ежегодно пробираюсь по таежной речке вверх против течения для азартной охоты на откормившихся за лето глухарей, не дают полного представления об истинных прелестях русской охоты.

Раннее холодное утро, когда угасающие звезды еще просматриваются на фоне светлеющего неба, застало меня целеустремленно шагающим к уже знакомому болотному мыску. И начались первые отрезвляющие романтическую душу сюрпризы: сказался дополнительный вес тяжелого рюкзака, вынудил все-таки ноябрьский лед лопнуть под моими сапогами сорок седьмого размера с противнейшим хрустом и выплескиванием фонтана вонючей болотной жижи. Итак, вместо легкого променада меня ждет тяжелая работа, когда провалившийся почти до колена сапог с трудом выбирается из ледяного крошева, чтобы вновь завязнуть, рухнув промеж кочек. А кочки здесь знатные, это знаменитый «пошвор», когда цилиндрические, достигающие до пояса болотные выросты, увенчанные на верхушке пучком жесткой травы, толпятся в надежде полностью перекрыть тебе любой проход. Темп движения резко упал, низ рюкзака елозил в узких лазах между пошвором, дыхание становилось жестким и частым. После каждых десяти-пятнадцати шагов, падая грудью на кочку, хватая распяленным ртом морозный воздух, молча матерю всю эту окружающую среду. День катился к концу, а до лесной полоски оставалось еще порядка семисот метров. Между кочками стали попадаться островки открытой воды, которые поначалу я старательно обходил, но затем, поразмыслив и поняв, что лед-то там намного толще, начал заведомо искать путь как раз по этим прогалинам. Скорость передвижения резко возросла, энтузиазм масс крепчал, и все потихоньку начало окрашиваться розовым светом.

Все длилось доли секунды: треск лопнувшего льда, резкий бросок назад тренированного тела, крепкий мат, огласивший округу, и мгновенно наступившая тишина. Мозг работал с точностью и бесстрастностью бортового компьютера, анализируя ситуацию и выдавая различным частям тела команды, выполнить которые они, увы, были бессильны... «Мертвые точки», в которых находились мои локти, опирающиеся на ствол и приклад лежащего на краях полыньи ружья, не давали рукам возможности перемещаться в нужных направлениях; пятидесятикилограммовый рюкзак, впившийся лямками в неестественно приподнятые

¹ Каремат – альпинистский теплоизолирующий коврик.

плечи, постепенно намокая, давил всей своей тяжестью на затылок, прижимая голову к груди и затрудняя дыхание; ледяной холод, проникая через многочисленные одежды, превращал мою мошонку, самое теплое место в организме, в кусок льда; слабо барахтающиеся в вязкой жиже ноги, постепенно замерзая, становились ненужными телу и бессмысленными приспособлениями. И только мозг непрерывно щелкал релюшками и переключателями, пытаясь найти оптимальный выход из этого кретинского положения, все более и более утверждаясь в том, что этого выхода пока нет.

В ноябре через болото

Заходящее тусклое зимнее солнце бесстрастно созерцало безрадостную картину происходящего, медленно сваливаясь к чернеющему совсем-совсем близко темному лесочку, в воздухе висела безысходность, нарушаемая слабым повизгиванием собаки, отлично понимающей, что хозяин собирается покинуть ее навсегда. Эта ситуация пса совершенно не устраивала, и он медленно подползал на пузе к вонючей полынье, с разрывающим сердце стоном мгновенно отъезжал назад, слышав своим феноменальным слухом слабое потрескивание готового расколоться льда. Мой же мозг работал холодно и отрешенно, никаких воспоминаний, никакой череды образов, событий прошлой жизни, ни одного любимого лица, одно серое однообразие бесконечной ленты с ярко горящим дурацким транспарантом: «Нет ничего невозможного в стране возможностей большевиков»² – и осознание того, что так бездарно катится к закату богатая невероятными событиями жизнь вечного бродяги. И все же в этом мраке малюсенькой точечкой пульсировал не желавший сдаваться маячок, затухающе зудел в холодеющее ухо: все равно прорвемся, все равно прорвемся, все равно прорвемся...

Вдруг, неожиданно, над заиндевелой болотной марью раздался убивающий своей безысходностью, леденящий душу вой, переходящий в вопль, где «фортиссимо» и «дольче» переплелись в неимоверной жалости к тому, кто поил тебя из соски, убирал за тобой какашки, тыкал мордой в изодранную обувь, целовал в холодный нос и так приятно чесал за левым ухом. Задрав кверху морду, пес отдавал свою душу небу, прекрасно понимая, что с уходом хозяина,

² Ироничная поговорка времен социализма.

от которого уже потянуло специфичным и почти неуловимым запахом смерти, не будет и ему места на этой земле. Дикий гнев от понимания того, что верный пес заживо меня хоронит, вперемешку с килограммом адреналина, мгновенно выброшенного в кровь от этой мысли, слились в катапультирующем рывке обессиленного тела. Локти в бешеном темпе заколотили по льду, ноги в возвратно-поступательном движении взбаламутили няшу, и, о чудо, вначале медленно, а затем все более и более ускоряясь, я заскользил назад, дико выгибая спину в нечеловеческом усилии. Оставляя за собой парящий на морозе зловонный след болотной жижи, я выкатился из этой западни, которая, горестно всхлипнув, сразу же стала подергиваться тонюсенькой корочкой молодого льда. Автомат жизнеобеспечения включился в работу почти мгновенно. Все части организма действовали синхронно и четко. Несколько минут ушло на приготовление шалаша пионерского костра, завитки мелко наструганной стружки занялись огнем радостно и агрессивно, и уже через минуту яркий сноп горящих корявых болотных сосенок создал вокруг себя мощное поле лучистой энергии. На снег полетели брэнчащие вонючим льдом одежды, из каждого сапога было вылиты по полведра очаровательно пахнущей воды, запасной комплект сухих вещей был извлечен из непромокаемого мешка и голый, пляшущий на морозе неандерталец стал быстро принимать обычный человеческий облик. Все это сопровождалось восторженным визгом и лизаниями совершенно очумевшего от радости пса. Сто грамм чистейшего спирта протекли по горлу, как глоток воды, горячий концентрат рухнул в скукоженный желудок, и все тело стало расслабляться и балдеть. Внезапно, неожиданно и резко, дернулась левая, а затем и правая рука. Зубы издали лязг, и через несколько мгновений уже весь организм сотрясали бешеные конвульсии пляски святого Витта: мое тело давало выход накопившейся психической энергии, освобождаясь от затаившихся где-то в печенках страха и отчаяния. Все стихло так же мгновенно, как и началось. Руки делали свое обычное дело, рубили дрова, секли высокую траву, стелили между высоких кочек временное ложе и натягивали тент – готовился удобный и теплый ночлег. Уже засыпая, в полудреме, чувствуя ногами сквозь пуховый спальный мешок тепло прижавшегося ко мне пса, ощущая лицом ласковое прикосновение затухающего костра, когда мысли причудливо переплетаются в тяжелеющей голове, перед глазами в замысловатом хороводе я видел лица Стаса, пьющего крепкий чай из чаги за колченогим столом и тихо ворчащего на меня за опоздание, Теда Тернера на яхте в бушующем океане, авантюризму и финансовой независимости которого я всегда завидовал белой завистью, озабоченное лицо моей любимой жены, которую я уже достал своими путешествиями и приключениями. Все это медленно погружалось в вязкую сонную тьму, наступала благодать успокоения.

Жизнь продолжалась. Вопреки всему!

1990—2003. Первый в сезоне соболь

Уже в прошлом осталось прелестное купанье в Чебоксарском болоте, долгий поиск старой визирки³ в чащобнике приболотной тайги, комфортная ночевка у нодьи⁴, как оказалось, всего-то метрах в двухстах от искомой визирки, а вот и она, путеводная звезда в неведомое царство профессиональной пушной охоты. Визирка же узка, захламлена валежником, и, хотя по тайге снега-то всего по щиколотку, в старых колеях от танкетки (водила которой наверняка был за рычагами в «дупель») почти по колено, и она упрямо сопротивляется моему поступательному движению к цели. А до вожденной Стасовой избушки еще телепать да телепать! Припорошенная снежком тайга стоит какая-то оцепенелая, тихо, смурно, пичуги не чирикают, следов зверья не видно, балдеют все, однако, окромя двух придурков, выпучив шары бредущих на север. Правда, придурок-то один, месящий сапожищами сорок седьмого размера снежную кашу колдобин и выбоин. Хвостатый же напарник тем временем наяривает восьмерками по окружающей тайге и, не на радость мне, вдруг начинает характерно гавкать – белка, блин...

Шлепаю, поматериваясь, тяжеленный рюкзак – на ближайший выворотень, подхватываю «шпалер» и семеню на голос – точно, белочка. Сидит, скукожившись, на предпоследней ветке высоченной сосны и злобно цокает на крутящегося вокруг пса, меня пока не видит, что дает возможность, сманеврировав, прикрыть ее туловище стволом дерева и бабахнуть. Есть! Практически «вышедшая» шкурка, но шибко уж блохастая, первый трофей моей промысловой охоты. Быстрехонько обдираю, швыряю тушку в распахнутую пасть Соболя, схрумкавшего ее на лету и, задрвав хвост, рванувшего за новой удачей. Пыхтя, втискиваюсь в обледеневшие уже лямки «убивца» и, проклиная энтузиазм любимой собаки, продолжаю «ишачку». Сей финт мой любимый «кобел» повторяет еще неоднократно под искренние матерки хозяина – время, дорогое время тратится на ненужную для меня сейчас охоту, но что поделаешь, рабочая собака вкалывает, а ты изволь плясать под ее дудку.

Первый соболь

³ Визирка – узкая лесоустроительная просека.

⁴ Нодья («Надька») – таежный костер, состоящий из трех бревен и горящий длительное время.

Так мы и доканدهали до первого серьезного препятствия. Таежная речушка Попуя, вся в крутых берегах, не замерзла еще, каналья. Сочится, побулькивая, среди завалов и ледяных заторов. Переправы путевой нет, приходится шарашиться вдоль по берегу, высматривая вариантное решение проблемы. Соболь уже гарцует на том берегу, с издевательской ухмылочкой следя за моими потугами. Офигенная сосна, рухнувшая с подмытого берега поперек реки и треснувшая посередине, цапанула верхушкой за противоположный склон и расшеперилась частоколом толстенных ветвей во все стороны, но мне-то надобно туда переползти во что бы то ни стало. Склизкий оледенелый ствол заставляет до предела осторожничать: навернуться можно запросто, а то и шлепнуться еще задницей на торчащий сучок, вот тогда будет полный «писец»! Фу!!! Весь в поту переполз, однако ручонки-то дрожат, да и в коленках слабость имеется, чтой-то трусоват становлюсь с годами, старпер драный! Крошечный костерок, банка из-под болгарского горошка с набитыми туда веточками смородины закипает мгновенно, короткий перекус, все уже забыто и только вперед, вперед...

Прямо передо мной тянутся вчерашние следочки от Стасовых бахил – ходил встречать меня, да мое утопление в болоте выбило на сутки из графика. Во ругался, я уж представляю! Стали попадаться знакомые уголки, бегал в этих местах прошлой осенью. Еще километров с десять – и я дома! За сими сладостными мечтами как-то проспал приглушенный голос пса, где-то в чащобнике слева, судя по лаю, лупит он параллельно визире с приличной скоростью, значит, не белка! Чертыхнувшись, торопливо сваливаю куда попало поклажу, подхватываю «Зауэр» и устремляюсь наискосок, на перехват незнамо кого. Узрел это самое «незнамо» метров за пятьдесят. Соболь! Чешет верхами к большому прогалу впереди. Корректирую свою траекторию и выскакиваю на полянку одновременно с ним. Ущувив меня, зверек мухой взлетает по стволу большущей березы и замирает почти у самой вершины. Пес, задрав башку, злобствует кругами, а я выбираю момент, непрерывно перемещаясь, пытаюсь заслонить тушку крупными ветвями, чтобы одну только башку было видно, – оп! Есть! Бабах!!! Кувыркающееся сверху тельце успеваю накрыть собой раньше Соболя, в азарте наскочившего на меня и пытающегося протиснуть свою разгоряченную пасть мне под брюхо. Осторожно переворачиваюсь на бок и даю полизать собаке окровавленную голову. Великолепная кошка темно-бежевого цвета с едва уловимой темной полосой по хребтине, с одной только дробинкой в черепушке, первый сорт, черт побери! Пес, хладнокровно свернувшийся в клубок, индифферентен – как-никак свое дело сделал, а остальное ему пофиг! Осторожно пакую бесценную добычу, все-таки первый соболь в сезоне, и наддаю газу, благо уже незаметно подкрадываются ноябрьские сумерки.

Радостный вопль хозяйских собак, счастливый визг моего кобла, в куче друганов крутящегося подле избы, Стас, выскочивший в жеваных кальсонах наружу, – все, притопал, принимай, хозяин, на целый месяц своего старого друга! Оладушки, смородинное варенье, душистый чаек, специфичный запахок заматерелого зимовья, вмиг опавшие усталые плечи, расслабуха и тихая радость от встречи. Хвастаюсь своей удачей, разглаживаю на коленке бархатистую соболюшку и не сразу замечаю чуть помрачневшую физиономию закадычного друга. Достав маленький ножичек, Стас, оснимывая профессионально тушку, читает параллельно курс молодого бойца, раскрывая повторно специфику пушного промысла, включая обработку сырья. Затем, натянув шкурку на «пялку» и расправив все складки, отправляет ее на сушку. Вот тут и выясняется, что по сей день он не добыл еще ни одного соболя. Пытаюсь как-то развеселить друга, выдаю серию новых анекдотов, но разговор как-то не клеится, и мы, покормив собак, укладываемся баиньки.

А на следующий день началась работа. С утра, перекусив, отправляемся со всем хвостатым шалманом в тайгу. Ходовая охота в ноябре, при небольшом снежном покрове, зачастую бывает очень эффективна, что и подтвердил наш первый совместный выход. Собаки работали не переставая, белки вдоль реки было полно, около обеда загнали и взяли первого

соболя, а около четырех вечера – второго. Утомленные, но страшно довольные возвращались мы в зимовье. Достав с полки поставленную к моему приходу трехлитровку рябиновки с наклейкой «Тимофеевка», отметили удачное открытие сезона, а далее началась тяжелая промысловая охота со всеми хохмами, неудачами и радостями. Ну, об этом уже опосля...

1961—2002. Дед Ипат

Табачище, разудалый хохот и не менее слабые выражения, бутылочка «Салхино», пушенная по кругу, – далекий шестьдесят первый год, третий этаж «зиковской» общаги на Эльмаше. Кутерьма сборов первого десанта на далекие и пока неведомые Саяны. Нас трое: Игорь Дю-Вернуа, «Дюша», хохмач и умница; Витька Широков, «Пиня», самый старший, ему аж двадцать шесть, позади Казанский авиационный с красным дипломом, спортсмен и даже серьезный по жизни; ну и я, «Тимоха», молодой раздолбай, склонный к авантюрам, о котором родная бабуля всегда говаривала, что, мол, у тебя, Валерко, с детства шило в заднице.

Дюша

Регочущая компания здоровяков, крякая и сквернословя, уминает наши «абалаки», набитые «констервой», крупами, носками, запасными штанами, патронами и рыболовными снастями, стараясь распределить веса рюкзаков с учетом наших собственных. Наконец все затихло. Вся толпа по русскому обычаю рассаживается кто где: на полу, на подоконниках и кроватях. Минута молчания – и дружный топот молодой оравы, рвущейся на ж/д вокзал, завершает первый акт этого действия. «Дюша», обрушившийся при посадке под грузом огромного рюкзака, вызвал недоуменные возгласы друзей, прокомментировавших данное событие чрезвычайно образно, экстраполируя его во времени и пространстве.

Свисток, гудок, и общий вагон пассажирского поезда Свердловск – Абакан, пропахший кислым «амбре» носков, высунутых в проход, неистребимым сочетанием запахов пеленок и молочной колбасы, красноголовой водочки и крепкого табака, раскачиваясь и поскрипывая, понес нас навстречу неизведанному. Минусино-Усинский тракт, серпантин неухоженный дороги, десятичасовое путешествие в отнюдь не «мерседесовском» автобусе – и перед нами столица Тувы, Кызыл, город, где сливаются Большой и Малый Енисей, посреди которого торчит столб «Центр Азии», клубы пыли и множество очаровательных метисок. Местный аэропорт, как развороченный муравейник, занят самим собой, принимая и отправляя грузы, аборигенов и лиц «бандитской национальности» во все закоулки этого горного края, куда, как в песне, «только самолетом можно долететь». Вперемешку с какими-то бочками, узлами и ящи-

ками, сидя друг на друге, прибываем воздушным путем, испытав дикую тряску и американские горки воздушных ям, в райцентр Тоора-Хем, самое сердце Тувы, расположенный на берегу Бий-Хема, то бишь Большого Енисея. Зарядил гнусный морозящий дождь, и наша палатка, притулившаяся на краю так называемого аэродрома, стала как бы красным уголком для влипших в непогоду «летунов» и местных технарей. Ужасающие, завораживающие и кретинские истории, рассказанные под брезентовым пологом старожилами этих краев, доводят нашу нервную систему до состояния закипания.

Распивая очередную рюмочку «чая» и закусывая баночной тушенкой, местный начальник аэропорта, ехидно осведомившись о запасах оной, дает дельный совет: там, за речкой, «козлов» – умотаться, так же сидеть задаром, надо смотаться туда и добыть свежего мяса для всей честной компании. Сказано – сделано, и вот я на том берегу, переплыв на утлой лодчонке и снесенный метров на пятьдесят вниз по течению, сжимая в руках ТОЗ-17, начинаю храбро карабкаться по захламленной валежником лощинке вверх.

Лезу в гору я

Передохнув перед вершиной, делаю рывок и утыкаюсь нос к носу в обалдевшую морду молодого медведя, повторившего мой подвиг, только по другую сторону горы. Обоюдное видение выпученных глаз и вывалившихся языков продолжалось доли секунды, а затем дружная парочка, синхронно хрюкнув, отчаянно рванула вниз по уже отработанному каждым маршруту. Прогремев по желобу лощинки, нигде и ничем не зацепившись, перемахиваю Енисей под оживленный комментарий теплой компании, ожидавшей от меня ну как минимум седло косули. Приняв с перепугу сто грамм, размахивая руками и бия себя в грудь, начинаю рассказ о своем геройстве, который был бесцеремонно прерван старшим аборигеном словами: «А вот

вчера у Федьки мишка опять буренку спер», что вызвало настоящий ступор у всей городской компании.

Зато следующий день начался здорово, – дали погоду, и самолет до поселка Хамсара был загружен только пустыми бочками под хариуса. Притулившись среди рюкзаков и вкусно пахнущих рыбой емкостей, наблюдаем, как второй раз заходит на посадку наш АН-2. По центральной улице, она же и аэродром, носится маленький человечек в фирменной фуражке «Аэрофлота» с огромным дырком в руках, разгоняя ничего не смыслящих в чудесах цивилизации, вальяжно жующих что-то буренок. Наконец полоса свободна, и, громыхая и подпрыгивая, мы тормозим посередине села. Наше появление на центральном проспекте никого в восторг не привело, и, руководствуясь рекомендациями «летунов», мы бредем к избушке деда Ипата.

Дед Ипат

Колоритный дедуля разбойного вида, одноглазый, с лицом, обезображенным шрамом через всю левую часть, и скрюченной левой рукой, молча предлагает нам свои апартаменты, перед этим деликатно сообщив своей половине, что, мол, надо же, бог принес нам опять каких-то чудиков. А чудики, вцепившись в дедулю со своими вопросами, довели его до состояния протрации. Не привыкший к такой психологической атаке, он вывалил нам этакий объем информации, что, запутавшись в ней, пришлось самим принимать решение – пробираться в верховья Хамсары или Соруга, поближе к подножиям пика Топографов.

Утром, перетряхивая рюкзаки, обнаруживаем в Дюшином аккуратно запеленутые в портянки две шестикилограммовые гантели – дружеский сувенир от оставшихся в Свердловске милых уродов. Потопление же сих железок было обставлено со всей торжественностью.

Чуть позже два кудлатых мужика, цеплявших на мощный транец длинной, с приподнятым и обшитым толстой жостью носом моторки второй двигатель «Москва», нехотя согласились забросить нас вверх на сотню километров за бутылку питейного спирта производства Минусинского спиртзавода. Первые впечатления от прохождения шивер⁵ и мелких порогов были неизгладимы. Забрызганные водой по уши, слегка очумевшие от пережитого, высаживаемся поздно вечером на берег, где, впервые попробовав жареного тайменя и хариуса на рожне, были проинструктированы нашими бывальыми браконьерами обо всем пути нашего дальнейшего следования. Вглядываясь в расплывчатые ориентиры пиратски добытых летных карт, сверяя свой путь по компасу, вступаем в страну *terra incognita*.

А страна эта чудесна! Горные кряжи, уходящие за горизонт и покрытые снежниками и ледниками, постепенно сужаясь, приводят нас в долину, наполненную ароматом дивных трав и кишашую разнообразной живностью. Топая след в след по едва заметной в травах тропинке,

⁵ Шивера – крупный пережат с высоким валом.

вдруг ощущаю некое беспокойство, неприятное ощущение от того, что ты находишься под контролем внешнего наблюдателя. Круглый серый мячик, мелькнувший параллельным курсом метрах в тридцати от нас, в ответ на мое приветствие ощерился желтоватой улыбкой и, исчезнув, вдруг появился с противоположной стороны, превратившись в маленького колченого тувинца в кирзачах и без шапки на остриженной под ноль седой голове. Маленькая котомка, рваная телага, нож в деревянных ножнах и старенькая мелкашка ТОЗ-8 с привязанным толстой медной проволокой затвором дополняли сей колоритный портрет аборигена по имени Таттутей, возрастом в 65 лет, заброшенного охотничьими заботами за сто двадцать километров от последнего жилья.

Таттутей

Усевшись в кружок и раскурив трубку мира, пытаемся, тыча пальцем в карту, выяснить кое-какие подробности. Выяснили, что до озера Чойган-Холь совсем недалеко – «три километра», до горы Обурум-тайга чуть подальше – «три километра», а до Биче-Соруга очень далеко, аж целых «три километра»! Обогащенные ценными сведениями о местной топографии, щедро делимся с дедом табачком и вдруг выясняем, что он уже давно идет по следу раненого козла, в кармане у него всего два патрона, а затвор винтовки привязан потому, что шептало давно стерлось, и после каждого выстрела затвор, отлетая назад, старательно целится прямым в глаз стрелявшему. Крайне удивленные сим, задаем страшно каверзный, на наш взгляд, вопрос: «А что, ежели медведь?» – на что получаем меланхоличный ответ: «Дак в ухо надо!» – после чего, совсем обалдевшие, дарим деду пару пачек целевых патронов, передавая ему по эстафете свое состояние.

Через километр выходим к берегу Хамсары, на стрелку с Соругом. Дело под вечер, и, поставив палатку, запалив костер с подвешенным над ним котелком с будущей пшенной кашей, вразвалочку спускаемся к реке. Зрелище не для слабонервных – крутая дуга стремительного потока, насколько видит глаз, взрывается серебристыми телами вылетающих из глубины здоровенных хариусов, пожирающих танцующее над водой облако всевозможной мошкары. Оце-

пенение прошло мгновенно, размотаны удочки, заброшены мушки, и вот, один за другим, красавцы хариусы летят или в траву, или, с оторванной от резкой подсечки губой, обратно в «альма-матер».

Река Хамсара

Отрезвление пришло, когда мы осознали, что на троих того, что мы наловили, хватит на годы! Слава богу, каша благополучно превратилась в уголь и мгновенно была заменена нашим геройским уловом. Осоловевшие от переезда, с расстегнутыми брючными ремнями, лежим у костра молча, переваривая проглоченное. Бог мой, это мероприятие пришлось повторять еще дважды, и наша дееспособность на следующий день была автоматически приравнена к нулю. Только под вечер, попив чайку, начинаем понимать, что впереди у нас еще много дел и обжорство к добру уж точно не приведет.

Через сутки добираемся до Соругского водопада, любимся яркой радугой, висящей над мириадами брызг и стремительными телами вездесущих хариусов; пару раз показал свои бока крупный таймень, резвящийся на стыке ревущего потока и медленно вращающегося бучила. Далее наш путь лежал к цепочке озер Чойган-Холь. Изумительной красоты главное озеро, поджатое с одной стороны мощным горным кряжем к более пологой горе Обурум-тайга, что в переводе означает Медведь-гора, завершается цепочкой более мелких озер, соединенных хрустальной чистоты протоками, и все это на фоне громадины массива пика Топографов с вечными снегами и ледниками.

Древняя избушка, притулившаяся на берегу главного озера, превратилась в нашу основную базу. Подлатав щелястую лодочку и подняв над ней черный парус из общагинского одеяла, мы лихо отправились по водной глади изучать прилегающие окрестности. Целую неделю мы лазали по непроходимой тайге, топким болотам, поднимались на вершину горного массива, откуда открывался потрясающий вид на весь горный узел Восточных Саян, проплыли всю цепочку удивительно красивых озер, обрамленных вековыми кедрами, раздражая лесное и озерное население своим наглým присутствием. Дважды сталкивались со здешними мишками, поднимали на крыло едва оперившихся лебедят, крохалей и прочую утиную гвардию, наткнулись на шумливые выводки глухарей и рябчиков. Впервые ощутили азарт охоты на трехкилограммовых окуней – красноперых красавцев, горбатых и невероятно упрямых на блесне; такое впечатление было, что тянешь ну как минимум полупудовую щуку. Но хорошего понемножку, и вот опять «ишачка» с огромными рюкзаками на плечах в сторону жилья, частенько переползая через горки.

Сонный поселок никак не отреагировал на наше появление. Витька рванул на радиостанцию – сообщать, что живы-здоровы, а мы с Дюшей потопали к домику деда Ипата. Выскочивший навстречу лохматый гигант в кальсонах с завязочками и черной шляпе на затылке загреб

нас в свои объятия, заглядывая в глаза и приговаривая: «Гдесь третий-то, ась?» Оказывается, пока мы бродили по тайге, два здоровенных амбала из МВТУ решили сплавиться по речке Бедий. Построили «салик»⁶, оттолкнулись и... через полкилометра сумел выплыть на берег только один, второго так и не нашли.

К вечеру, когда бабулька, с коей дедуля общался исключительно на милом домашнем сленге, напекла пирогов, выставила варенья-соленья, а мы грохнули на стол стандартную зиковскую фляжку со спиртом, как-то ненавязчиво начался доверительный непринужденный разговор за жизнь. Крепко поддатый дед – мы-то практически не пили, ведь завтра опять топать, – пьяно раскорячив свои огромные поуродованные ладони, заплакал: «Осподи, да сколь же на энтих граблях кровушки-то!»

Кое-как утихомирившись, дед Ипат продемонстрировал весь свой арсенал, от старой японской винтовки начала века и трехлинейки до новехонького карабина СКС, добавив, что в дуплах у него еще до кучи всего наворочено. Затем настала пора дефиле пушнины, и, разложив на колене очередную шкурку баргузинского соболя, дед, ласково поглаживая потрескивающий искорками шелковистый мех, вспоминал, где и как он сумел добыть этого кота или кошку. Изумлению его не было предела, когда он выяснил, что мы отродясь живого золота не видывали. Порывшись в тряпье под кроватью, он вытащил замшевый мешочек величиной с кулак и, не спеша, высыпал содержимое в глубокую тарелку. Невзрачного вида тускло-желтая горка состояла из крупного песка, причем каждая песчинка при тщательном рассмотрении представляла собой крохотный пузырчатый самородочек. Обыденным движением дед ссыпал золото обратно и со словами «говна-те» лихо зашвырнул его под кровать, добавив, что вот раньше, при ТОРГСИНе, за это можно было и мануфактуру, и сахар, и керосин достать, а сейчас, кроме головной боли... да и зло несет, ежели его много, и тут же рассказал историю, о которой слыхивал еще от своего отца.

⁶ Салик – деревянный плот с двумя гребями.

Варнак

«Жил в наших краях до революции мужик один по кличке Волчара. Как и большинство лихих людишек, промышлял золотишком. Да стали замечать люди, что, сбив артель, после промысла он один обычно возвращался да с хорошим наваром. Вот и перестал с ним народ артельничать, да вскоре и он исчез, о чем все быстро и позабыли. Через два года появился заново, худой, однорукий, но при хорошем золоте. В монопольке, крепко подвыпив, начал зазывать к себе в компанию, обещая огромную добычу, однако что-то охотников больше не нашлось. Вскоро, окончательно пропившись, нарвался он на удалых ребят, которые и укатили его наовсе. Перед смертью заплетающимся языком он все же поведал свою историю старому сердобольному бродяге, утащившему его в свою халупу помирать. Давно приметил он один ручеек, уж больно густо на нем песок шел. В одиночку, скрытничая, решил пробраться по нему в самые верха. Песочек шел все гуще, и однажды, день на третий, он вышел к роднику, из которого тот ручеек и вытекал. Желтое дно родника проглядывало сквозь хрустальную воду чистейшим золотым песком. Судорожно сбросив котомку, он начал черпать и набивать песком свой кожаный старательский мешок. Утомившись и едва оттащив его от воды, привалился спиной к дереву и обомлел. Прямо перед ним скала, из-под которой бил родник, была прочерчена широкой белой кварцевой полосой, уходящей прямо из воды вверх, и по всей этой жиле там и сям сидели крупные самородки. Мгновенно высыпав весь песок из мешка прямо на траву, стал каелочкой выколупывать драгоценные куски, пока не заметил нишу, в которой торчал огромный самородок. Просунув поглубже руку, он начал раскачивать его, обливаясь потом. Все произошло мгновенно, раздался треск оседающей породы, и его раздробленная рука оказалась в ловушке. Очнувшись, он понял, что капкан захлопнулся намертво. Дрожащей свободной рукой вытащил свой рабочий охотничий нож и с размаху резанул, отрубая кисть. Пока перед глазами мелькали красные огоньки и боль еще не заполонила все тело, успел обмотать культю куском нательной рубахи. Сколько пролежал без сознания – не помнил; помнил, что пополз вниз по ручью, волоча за собой котомку. Очнулся уже в избушке у старого седого тувинца, выхаживавшего его несколько месяцев. Окреп окончательно только на второй год, и снова потянуло к людям, к вину, к песням, к веселой и удалой старательской жизни. Вот только жизнь не удалась... С тем он и помер. Варнак он и есть варнак. А местечко то до сих пор ищут, да все найти не могут, хотя где это, только я и знаю», – закончил сию историю дед Ипат.

Рогатина

Невозможно предсказать, как поведет себя медведь в той или иной ситуации. Этим его поведение резко отличается от поведения лося или кабана. В основе высокой пластичности поведения медведя лежит значительно развитая рассудочная деятельность этого животного.

А. Крушинский

«Ты вот все говоришь – рогатина, рогатина, а живую-то рогатину хоть разок живьем видел? То-то! Много сказок сказывают, как люди на медведя с рогатиной хаживают, да врут все больше. Тонкая это штука, да и опасная. Все мои братовья старшие, отец, дед, да и прадеды испокон веков на мишку только с ней и ходили. Зараза это, один разок попробуешь – и уже не остановиться. А почему? А потому, что умнее медведя в тайге зверя нет, и, уж хошь не хошь, очень занятно с ним силой и умом схватиться». С этими словами, побряхтывая, дед полез в чулан и вытащил... пику! На темное, отполированное временем и руками вересковое древко было насажено длинное, обоюдоострое и в основании очень толстое кованое лезвие со сквозным отверстием в основании. В комплекте к нему оказался такой же широченный кинжал, изготовленный одним и тем же мастером где-то в середине девятнадцатого века. «Для че дырка-то, спрашиваешь? Да перетыка туда вставляется такая из дерева, чтоб наскрозь мишку не дырывать. Ломается она, и рогатина у него в бочине и остается. А ходить на мишаню надобно с двумя хорошими зверовыми лайками. Лазают они по чащобнику, мишку ищут, а как найдут, то сразу же хай поднимают, не дают ему уйти, за задницу хапают, да и он тоже на них кидается, все уловить старается, и иногда менее ловкая собака отлетает прочь с переломанной хребтиной. Ты же тем временем спешишь на гам, старательно припрятывая рогатину за спиной, чтоб мишка ее раньше срока не увидал, а увидит – сразу деру даст, соображает, однако... Хитрющий зверь, завидев тебя, сразу же понимает, что воевать-то нам с ним придется, а потому начинает с тобой играть, уходя, как бы нехотя, притормаживает в кустарнике да чащобнике, а на ровном месте старается подале отбежать. Знаешь, паря, у каждого зверя есть такое расстояние, меньше которого он, защищая себя, обязательно на тебя кидается, даже у зайца, норки али у мышки какой. Вот и мишка старается подпустить врага к себе где-нибудь в чаше, где ему сподручнее заломать тебя. Ты же хитришь и подбегаешь к нему на ровном месте, вот тут-то он и не выдерживает: прижав крепко уши к башке и коротко рыкнув, он прет на тебя, как бешеная лошадь. А дале все от тебя зависит, рогатина уже в руках, коленочки подогнуты, и прыгаешь в сторону, аж когда он от тебя шагах в трех. Свернуть он уже не успевает, а ты тем временем засаживаешь рогатину ему в бок, стараясь попасть в убойное место. Редко когда удается взять его с одного удара, чаще мишаня опять на тебя идет прямо с рогатиной в боку, вот тут-то ты его и кончаешь ножичком. Сколько лихих мужиков на этой охоте смертушку нашло, да разве дело удалое остановишь? Вот и мне на сороковом медведе, ведь не зря же о том бают, не повезло – сломалась ручка рогатины, и удар пришелся квелый. Навалилась она на меня, а медведицы-то гораздо злее, чем медведи, и начала меня ломать. Извернувшись, удалось затолкать ей в хайло левую руку до локтя, и, пока она ее жевала, ножичек-то и сделал свое дело. Очнулся я уж к вечеру, собаки лизали изуродованное лицо, левого глаза как не бывало, да рука была вся как вислая кровавая тряпка. Кое-как дополз до деревни, да и слег там на целую неделю, где надо мной и колдовала со своими снадобьями моя старуха. А в Машке-то, как потом сказывали мужики, аж цельных одиннадцать пудов было. Вот и хожу с тех пор охотничать медведя только с винтовкой».

Хамсара

«А попал я на эту речку не по доброй воле. Село наше стояло раньше на берегу Бий-Хема, богато жили, справно. Да случилась эта, как ее, революция, и началось... Белые идут – граблют, красные – граблют, да еще всякая шпана при оружии, вот и порешила наша сходка, чтоб всех кончать, и кончали до поры до времени. В начале зимы, уж холода были, заприметили наши мальцы конных на дороге, человек сорок. Грохнули мы их из пулемета, да навалилась на нас потом вся их махина, с пушками да пулеметами – это белые тыкались во все дырки, чтоб в Монголию проскочить. Вот и сказал тогда отец: „Лупи, Ипатушка, на дальнюю заимку, знать, совсем тут нам всем конец пришел“, я и побежал. В чесанках на босу ногу и без шапки добежал до заимки двадцать верст с помороженными ушами и протрясся там целых две недели. А от села нашего уголья одни остались да штук двадцать баб с малолетками. Забрал я девку одну, уж давно она мне глянулась, и подался в верха речки Хамсары. Три раза меняли места, пока не попали сюда, уж больно хороша поляна с заводью здесь оказалась. Вот с нашей-то избышки и началась деревня. Потихонечку стала она обрастать дворами, благо людишек, которым пореже на глаза властям попадаться хотелось, всегда было немерено. Жили дружно, помогая друг дружке, охотничали, рыболовничали, местных тувинцев не забижали. Правда, однажды добрался до нас верхами милиционер из райцентра, все паспорта да документы всякие требовал, а мы взяли да и не дали харча ни ему, ни его лошади, вот и отбыл он восвояси. Вроде мужики баяли потом, что не доехал он, то ли беда какая приключилась, то ли че, царство ему небесное...» С этими словами дед, шатаясь, вытащил из чуланки две огромные медвежьи шкуры, кинул их на пол вперемешку с тремя большими ситцевыми подушками и, тихонько поматериваясь, полез на печку к своей старухе.

Поутру, после вкусного и сытного завтрака, он троекратно поцеловал каждого из нас и, широко перекрестив, пожелал нам живьем добраться до Тоора-Хема, что мы и проделали в три дня. А далее самолет, автобус, пассажирский поезд – и вот он, родной Свердловск, в котором уже давно по улицам медведи не бродят. А с дедом Ипатом переписывались еще годков пять, отсылая по его просьбе то блесенку какую, то винт для моторки, а то и кастрюльку для любимой старухи. Иногда в памяти нет-нет да и всплывет его изуродованная лохматая физиономия с добрейшим голубым глазом младенца, как будто пахнет на тебя той непутевой, лихой и работающей Русью, которую хотелось бы помнить и любить до самой смерти.

1962—2010. КЫН

Какая темень... Тусклый фонарь задрюпанной платформы растворился в предутреннем тумане майского уральского утра. Спотыкаясь на неровных шпалах, подсвечивая фонариками, мы медленно шлепаем к только что отгромыхавшему под колесами местного поезда мосту. Чуть-чуть светает. А вот и он – топорщится угловатыми фермами над уходящими куда-то вниз склонами невидимой, но уже хорошо слышимой речушки Кын.

Идиотская идея сплава по стопудово несплавной речке неожиданно торкнула в башку нашему неумному энтузиасту Пине и материализовалась еще тройкой охламонов, беззаветно влюбленных во всяческие авантюры и хохмы. Скользим сапогами и пятками точками сквозь частокол ужасно колючего мелколесья вниз, к воде, на бугорочке стряхиваем свою поклажу и с нетерпением разглядываем кувыркающуюся в узком ущелье шалую весеннюю жижу. Впечатляет!

Заплыв на саликах

Время на красоты тратить зорно, и, быстренько швыркнув чайку с бутербродами, разбредаемся по левому склону с топорами и пилой. Нас четверо чеканутых, и, кровь из носу, мы должны за полдня склепать саянский плотик салик. Пока наша красавица Лидуха разбирает барахло и готовит обед, Саня и Пиня уже волокут сухие еловые пятиметровые бревна, а ваш покорный слуга, двадцатилетний обалдуй, наострил мастьрить первую гребь из сырой елки. Пилятся трапециевидные пазы, врубаются шпонки, вгоняются клинья, и вот, под радостные вопли и половецкие пляски голопузых пацанов из низлежащей деревни, вырисовывается каркас нашего «Каллисто» – шесть плотно подогнанных бревен, скрепленных тремя шпонками, намертво удерживаемых в пазах клиньями, пара наклонных раскоряченных подгребниц и грузовая площадка, на которой громоздятся наши пожитки, упакованные в большой герметичный мешок из ткани «500», намертво принайтованный к плоту веревками. Вдоль левого борта притулилась запасная гребь, а на задней подгребнице задергался на ветру ярко-красный вымпел «Ударник коммунистического труда»! Все! Короткий обед, раздача конфет мелким аборигенам, надуты спасжилеты, натянуты длиннющие сапоги и рабочие рукавицы, по покатам стелкивается в воду наш дредноут и...

Бешеный, как бы свитый из толстых веревок шоколадного оттенка поток хватает в свои объятия и начинает курочить наше суденышко, неправдоподобный уклон в высоченных скальных берегах и мелькание камней в коварных прижимах, когда мимо проносятся горы «плавника» и прочего хлама. Все кипит, швыряет в узком русле – только успевай работать длинню-

щами гребями. Вылетаем на прямую, впереди видны деревенька и низкий мост, под который с ревом уходит поток, бегущие по берегу, громко матерящиеся и крутящие у виска пальцами мужики в нательных рубашках – «БАЦ!» Нос плота затягивает под мост, корма становится дыбом, передняя гребь с громким «хрясть» разлетается вдрабадан, дикий крик Пини: «Ложись!!!» – и салик уходит под настил. Рефлекторно, спружинив ногами, я вылетаю кубарем на мост, перекатываюсь и сваливаюсь на ребят, распластавшихся по благополучно вынырнувшему, как черт из табакерки, плоту. Крепко пожульканный плот со сплюснутой передней подгребницей подхватывает беснующаяся стихия и крутит практически неуправляемое суденышко. Ругань, суета вокруг запасной гребки – и вот, пару раз совершив телемарк⁷, вновь несемся по бешеной «кипячке»⁸. Обе гребки гнутся, когда впереди на очередном повороте появляются две огромные «расчески»⁹, нахально перегородившие всю речку. ОПА!!! Мы с ходу влетаем в растопыренные огромные еловые ветви, все расстилаются по плоту, кроме меня, недоумка! Плот улетает дальше, а я, пытаясь выпутаться из цепкой западни, хватаю воздух распяленным ртом, постепенно погружаясь в ледяную воду, затем ныряю, делаю кульбит и вылетаю на поверхность. Метрах в пятидесяти ребятня намертво уцепилась за прибрежную ель и таранится на меня побелевшими от ужаса глазами. Перевернувшись на спину и выставив вперед полусогнутые ноги, тараню любимое плавсредство под радостный вопль всей команды, задирая свои ботфорты к небу, получаю водопад грязной водицы напрямиком в морду и с ходу занимаю свое место на передней гребке, хлюпающей в покуроченной подгребнице.

Каньон постепенно заканчивается, и хотя река прет по-прежнему, но уже не так интересно, все предсказуемо и тривиально. Поэтому быстро чалимся к правому берегу, летят в кусты и шмотки, и сами матросы, плот, прощально взмахнув сиротливой гребью, несколько раз повернувшись вокруг своей оси, исчезает за поворотом и улетает куда-то в Чусовую. Сушимся, хлебаем чаек, перепаковываемся и начинаем продираться сквозь бурелом в сторону лесовозной дороги. Быстро наступающие сумерки застают нас бодро топающими по глубоким колеям в сторону железной дороги. Надеяться на попутку бесполезно – вся страна «керосинит», отмечая международный праздник трудящихся, и вдруг, о чудо, позади слышим хрип двигателя старого «газона»¹⁰ с болтающимся драным «кунгом». Вытаращенные от удивления глаза малочисленного, но уже крепко «кривого» экипажа – и вот мы уже на железке. Короткий рывок до платформы – и тепло так называемого зала ожидания. Поездов не будет до утра, и, треснув с нами по чуть-чуть за здоровье всего прогрессивного человечества, дежурный подсаживает нас на тормозную площадку подвернувшегося порожняка, идущего в сторону Свердловска. Несмотря на жуткий колотун, сидим, сбившись в кучку, орем наши любимые песни и мечтаем о будущем летнем саянском сплаве. Лепота!!!

P.S. Но эти пятнадцать километров весенней реки, которую летом курица переходит, не замочив лапок, запали нам в души на всю жизнь.

⁷ Телемарк – разворот на 180 градусов.

⁸ Кипячка – вспененная струя воды.

⁹ Расчески – наклоненные к воде деревья.

¹⁰ «Газон» – ГАЗ-51.

1962—2004

Мишаня

Заунывный перезвон колокольцев на шеях длинношерстных яков-сарлыков, нехотя шевелящих конечностями под грузом нашего барахла по извилистой таежной тропинке, пока что полого уходящей вверх между вековых деревьев, поджимающих ее с обеих сторон. Иногда, при подъеме на очередной увал, впереди, в просветах тайги, появляются заснеженные вершины гольцов Восточного Саяна, куда и держит путь наша дружная команда, весело топающая вслед за сарлыками и двумя вьючными лошадьми. Облегченные рюкзаки позволяют держать оптимальный темп, не сбивая дыхания, что не мешает вести в процессе неторопливые разговоры, строя всевозможные предположения о поджидающем нас впереди маршруте первопрохождения к истокам Великого Енисея.

Сто двадцать километров перехода «заброски» пролетели как-то незаметно, и вот мы в исходной точке похода – Аршане Жойган. Аршаны – источники, разбросанные там и сям по всему Саяну, обожествляемые аборигенами, так же как и перевальные точки, увешанные ленточками, молитвенными полотенцами, всевозможными рукотворными дарами, с обязательной «дарницей», местом, где веками скапливаются подарки горным богам, от красочных пиалушек до драгоценностей, и упаси господь, ежели чья-то похотливая ручонка позарится на это богатство, – кара незримых стражей будет неминуемо скоротечна и жестока.

Наши провожатые, два молодых тувинца, сняв с нас оброк, разворачивают свою мохноногую братию в обратный путь и, пожелав нам «ветра в спину», исчезают за ближайшим поворотом тропинки, растворившись в зеленом таежном мареве. Тишина... Небольшая прогалина среди вековых деревьев на каменистом берегу стремительной горной речушки. Куча экспедиционного шмотья, и мы, молча и благоговейно озирающие красоту, внезапно навалившуюся на нас. Яркое солнце освещает уходящий вверх каньон, упирающийся в спящий глаз снежниками горный узел, и все это на фоне нереально синего и без единого облачка неба. Куда там Швейцарии: нет разношерстной и галдящей прорвы пучеглазых «туристов», цивилизованной рекламной шелухи – все в первозданно обнаженном виде, естественно и неприлично чисто. Скромненькая избушка, облюбованная нашими красавицами – двумя Лидами, новенький сруб над горячим радоновым источником, пузырящаяся ледяным нарзаном каменная чаша да еще штук пяток небольших источников, стекающих к реке разноцветными мазками соляных отложений. Перепаковываем груз, заготовливаем дрова, ведь завтра придется ночевать где-то выше уровня леса, купаемся в горячем радоне, где наш вездесущий Аксакал, как всегда, идиотничая, пытается заткнуть своей голой задницей бьющую из-под земли струю и, выпучив от наслаждения шары, перевернутый мощным потоком, демонстрирует всей толпе свою незагорелую часть тела. А поутру, испив целебной водицы, благословясь, трогаемся вверх к перевальной точке, чтобы забросить часть груза на ту сторону хребта, в самые истоки Великого Енисея.

Идти по каменистому склону все более сужающегося ущелья не сладко. Жарко и безветренно. И вдруг сверху сыпанули камушки, звонко цокая по булыганам, затем еще разок и еще. Вытаращив глаза, пытаемся определить источник данной непонятки – и вдруг... Разглядывая в бинокль срез ущелья, Эдичка обнаружил молодого медведя, одиноко сидящего на пятой точке на самом краешке обрыва и с упоением толкающего вниз камешки в надежде попасть в каких-то там уродов, столпившихся на козлиной тропке, при этом по-смешному вытягивающего шею после каждого прицельного бомбометания. Вдоволь нахохотавшись, продолжаем карабкаться вверх, а вот уже и перевал.

Ветрище! По обе стороны уходящие вниз долины, утопающие понизу в зеленых волнах дремучей тайги, а прямо перед нами, совсем рядышком, трехкилометровая глыбища пика Топографов. Через полчаса, млея от нереальности происходящего, стою, широко расшарашив ноги, а промеж них вытекает из-под трещиноватой скалы тонюсенькой струйкой Великий Енисей, начинающийся здесь под именем Кок-Хем, чтобы там, внизу, уже превратиться в Бий-Хем. Спустившись пониже, до горного озера Кок-Холь, находим подходящий останец и, покорив его по всем правилам альпинистской техники, наверху оборудуем лабаз с продуктами и барахлом, тщательно защитив его брезентухой от дождя и вездесущих птиц.

Пик Топографов

Короткий ночлег на краю каменистой осыпи, выход, еще в темноте, через Козлиный перевал к леднику пика, траверс, гребень, вершина – и вот перед нами нарисовался во всей первозданной красоте Восточный Саян. На горизонте огромнейшей наковальной громоздится пик Грандиозный, а вокруг, куда ни глянь, в сиреневатой дымке, горы, хребты, долины и, как серебряная паутина, хитросплетение скатывающихся с высоты водяных потоков – начало большинства сплавных речек, мечта каждого туриста-водника. Осторожный спуск по ледяным наплывам, снежнику и длинной, сыпучей моренной гряде на нереальные, устланные разно-травьем горных цветов, обалденной красоты альпийские луга с рассыпанными по ним там и сям огромными булыганами, обросшими пятнами многоцветных мхов. Чего только здесь нет, целые поляны нежно трепещущих на ледяном ветру маков, россыпи мохнатеньких эдельвейсов, охапки голубеньких колокольчиков и разноцветные цветочки, названия которых мы и не знаем, а чуть пониже пошла заросли рододендронов и карликовой березки, попытки про-рваться через которые приводят к полнейшей утрате штормовых штанов, превращающихся в жалкие лохмотья уже в течение получасового хода.

Поляны Восточного Саяна

И вот мы уже в тайге, по звериным тропкам подсекаем нужную нам долину и вдоль изумительной красоты двух зеленовато-голубых высокогорных озер выходим к нашей речушке, а затем и к базе. Предвечернее солнышко косо освещает пустынную поляну. Подозрительно тихо... И вдруг с грохотом распахиваются малюсенькие дверцы избушки, и с радостными воплями вылетают наружу обе наши дивы, обнимая, целуя и плача от радости. Обалдевшие от такого приема, сквозь скороговорку и всхлипывания, начинаем понимать, кому мы обязаны столь горячей встречей. Оказывается, наконец-то избавившись от мужского общества и начитавшись в свое время чего-то о забугорных нудистских пляжах, наши девицы решили позагорать в чем мать родила, и так это им легло на душу, что весь оставшийся день до самого вечера они прошлепали в состоянии «а-ля натурель». Сидя за колченогим столиком и попивая душистый травяной чаек, младшенькая вдруг надула щеки, захлебнулась и, выкатив глаза, с беззвучно распяленным ртом, молча стала тыкать дрожащим пальцем куда-то за спину своей подруги. Обернувшись, старшенькая обомлела – на другом берегу речушки, метрах в тридцати от них, грациозно восседал на своей толстой заднице крупный бурый медведь, свесивший набок огромную башку с высунутым языком. Сидел он, по-видимому, уже долго, с неподдельным интересом созерцая бесплатное шоу, неожиданно свалившееся на него в бесхитростной таежной жизни. Сия идиллия была беспардонно разрушена диким визгом и спринтерским рывком двух прелестниц до спасительной избушки.

Приведя их в чувство, принимаемся вдумчиво расспрашивать о времени появления мохнатого извращенца и его пути отхода. Выяснилось, что до часа икс есть еще запас времени, и, думая, что халявное зрелище таежному отшельнику явно понравилось, решили за этим неблагоприятным занятием его и прищучить. Прихватив ружье и камуфляж, предварительно проверив направление ветра, Игореха взбирается в укромное местечко над прогалиной предполагаемого выхода из-за печки нашего визави. Причем стоило труда уговорить девушек, на сей раз в купальниках, повторить вчерашнюю ситуацию, предварительно загнав весь мужской шалман в тесную избу. Время тянется медленно, уже косые тени от вековых деревьев легли с краю поляны, когда из избы, толкая друг дружку, высыпала вся наша кодла, громко крича и размахивая руками. Спустившись вниз Игорю объясняем, что мишаня вышел совсем рядышком с ним, но, увы, из-за кустов был абсолютно невидим. Появился он четко по расписанию и, предвкушая продолжение банкета, начал резво спускаться в долину. Однако на полпути вдруг неожиданно вскинулся на дыбки, судорожно повел по сторонам своим черным носом и, резко опустившись на все лапы, мгновенно дал деру, проклиная про себя «сучность» женского пола и свою излишнюю доверчивость. Знать, все же нанесло на него человеческий запах, и мишанина халява столь же бездарно обломилась. Очень жаль, что Игореша не увидел, как шустро ломился тот вверх по отвесному склону. Искренне жаль...

Потопленец-1

Жаркое марево, висящее над зарослями духнявого рододендрона и карликовой березки, пот, заливающий лицо, и тяжесть огромного «убивца»¹¹ за плечами – все это называется походом высшей категории сложности по Восточному Саяну. Уже позади пик Топографов, и мы упрямо топаем по Белогорью, огромному плато на высоте полутора тысяч метров, параллельно Кок-Хему, текущему где-то там, внизу. Удивительно торные тропинки, пробитые разнообразным зверьем, преподносят неожиданные сюрпризы идущему впереди охотнику, то бишь мне. Ребята, телепающие где-то метрах в ста позади меня, радостным воплем отмечают каждый удачный выстрел, а зайцы здесь попадаются огромных размеров, «как лошади!» – отметил как-то наш главный обжора Аксакал. Часто попадаются ручейки и речушки, стремительно устремляющиеся вниз для слияния с бурным Кок-Хемом. Вот и сейчас прямо передо мной – поток шириной в полметра с хрустальной, весело журчащей в небольшом каньончике водицей. Толчок, и моя опорная нога, проскользнув на липкой грязюке, сползает назад, а прыжок-то уже свершился, правда, крайне неудачно, так как и приземляющаяся нога также скользит по противоположному склону. Пытаясь сохранить равновесие, изгибаюсь в поясе и, изображая шпагат, спиной вниз шлепаюсь в воду, головой к реке. Последнее, что я помню, это нокаутирующий удар в нос, затем – полнейшая тишина. Сознание возвращается медленно, как сквозь вату слышны какие-то неясные голоса, в которых постепенно проявляются тревожные нотки, какой-то рыдающий женский всхлип... и я открываю глаза. Прямо надо мной склонилась вся наша команда, отреагировавшая на мое воскрешение радостным воплем.

Изумлению ребят не было предела, когда на очередном повороте они узрели две нелепо торчащие прямо из-под земли руки. Внимательно изучив сие чудо природы, они обнаружили под ним мою знакомую физиономию. Рюкзак, аккуратно вписавшийся в стенки каньона, мгновенно создал миниатюрную импровизированную запруду, и вода, сразу же наполнившая ее, тотчас же затопила мое лицо, мгновенно лишив меня способности дышать. Выдернуть меня из этой ловушки с ходу не удалось, пришлось срочно резать лямки и выволакивать бесчувственное тело из плена. Благо что техника искусственного дыхания была всем знакома и появилась возможность малость поупражняться, они, попеременно меняясь, и отработывали оную, пока потенциальный «потопленец»¹² не открыл глаза.

«Потонуть на высоте в полтора километра – это круто!» – прокомментировал данную ситуацию наш Кэп, и больше к этому вопросу мы и не возвращались. Так уж принято было в нашей команде.

¹¹ Убивец – рюкзак системы Абалакова.

¹² Потопленец – гарантированный труп утопленника.

Чудо-юдо

«Оба-на!» – только и пробормотал Пиня, совместно с Кэпом вглядываясь в «бескрайнее море тайги», лежащее прямо перед нами. Мы тупо стояли на краю скального гребня, резко обрывающегося с Белогорья вниз, в глухую тайгу, где, по нашим прикидкам, и должен был протекать Бий-Хем с его знаменитым Большим порогом, четко обозначенным на карте аэрофото-съемки, откуда и суждено было плыть нам до первого людского поселения, аж целых триста пятьдесят километров. Впадающий под именем Кок-Хем в горное озеро Кара-Балык, изобилующее действительно черной по окрасу рыбой, в чем убедились, вытащив абсолютно антрацитовую шуку с ярко-желтыми пятнами, – обалденное зрелище, скажу я вам, и вытекающий из него уже Бий-Хемом, набрав силу, должен быть виден во всей своей красе, ан нет, тю-тю!

Еды, по раскладке нашего эконома, сулило хватить ровно на сутки, так как у порога нас должен был поджидать Стас, забросившись из Тоора-Хема моторкой. Однако наш жмот-эконом поделил всю провизию на четыре части, приговаривая при этом, что, мол, нажретесь еще от пуза, когда наброситесь на Стасово изобилие. Что поделать, спустились потихохоньку вниз и потопали дальше, к концу дня выйдя к глубокому каньону (вот почему реку и не было видно), промахнувшись всего-то на полкилометра в сторону от порога. Стаса там не было... Разведка ушла вниз, а вся толпа, вдоволь полюбовавшись на безумство водного столпотворения, дружно начала обустройство лагеря. В брюхе уже бурчало, когда на следующий день, проглотив кастрированную пайку, мы приступили к постройке деревянных саликов под добрые ремарки в адрес незабвенного Стаса, потому что вернувшаяся разведка следов гомо сапиенса нигде не обнаружила. Дело принимало худой оборот, провизия неумолимо исчезала в наших бездонных желудках, на скудном рационе тяжелая физическая работа отнюдь не спорилась, да и год был какой-то уродский – по весне, как говорили местные, на зелень свалился неожиданно снег, и вдарил нехилый морозец, враз уничтоживший в зачатке все комариные личинки, прервав таким образом всю таежную, сложившуюся веками экологическую цепочку. Словом, для всех в тайге наступил голод, в том числе и для нас, кердык иначе. Краткие выходы на охоту и рыбалку давали минимальный результат – живности было маловато. А вкалывать-то надо, ведь саянские плоты салики для надежности ваяют на шпонках, врубая в пазы крепко-накрепко переднюю и заднюю подгребицы, так, чтобы на хорошем пороге не расхлестаться на бревна. Работа кипела, животы худели, самые здоровенные мужики уже прочувствовали прелесть голодовки, опухая конечностями к вечеру.

И вдруг, как черт из табакерки, появился Стас со своей супругой, отчаянной охотницей Ригиной. Оказывается, внизу, километрах в ста, Енисей падает с огромной высоты трехколенным водопадом в огромное бучило, и, доплыв до этого места на моторке, пройти выше не удалось. Оставив у продуктов одинокого заложника Леху и прихватив толику харчей, двинули они вдвоем вдоль берега вверх против течения. Кто хаживал вдоль горных таежных речек, знает, какое это счастье, тем более что удаляться от реки им было не резон, дабы не проворонить нашу братию, так что за пяток дней досталось им по полной программе. Принесенная жратва взбодрила немного наши души, но не животы, да и много ли поешь, ведь этот гад-эконом уже успел наложить на нее свою железную лапищу.

Через пару дней, закрепив запасные гребни, аккуратно уложенные вдоль бортов, благословясь, двинули в путь. Река несла быстро, то уходя в небольшие каньоны, а то стремглав пролетая через вековую тайгу, выходящую к самому берегу, потряхивала в жестких шиверах. Технически идти пока было не сложно, от прижимов уходили грамотно, в «бочки»¹³ не совались,

¹³ Бочка – своеобразная яма с откатным валом, сразу за камнем.

«чемоданы»¹⁴ оставляли по боку, аккуратно облизывая их на расстоянии, вот только на изгибах досаждали многочисленные «расчески», чиркавшие своими лапами по воде. В одну из них, из-за сильнейшего прижима, один за другим и вляпались оба плота. В последний момент все дружно попадали, распластавшись на настиле, каждый получил по хорошей плюхе, а вот второй плот заклинило и стало поджимать, заливая кормовую часть и выламывая заднюю подгребницу. Отчаянная работа вагами, мат и добрая толика везенья увенчались успехом, и, крепко крякнув всеми своими членами, плот очумело вылетел из западни.

За очередным поворотом с разгону вылетаем на огромнейший вековой завал – вся вода, глухо урча, исчезала под диким переплетением толстенных деревьев, на которых, отвалив от изумления чушки, ошалело тарасились на непонятных и шумно галдящих двуногих три медведя – мамка и пара отпрысков. И только наши Дерсу Узала ухватились за ружья, как ушлые звери мгновенно смылись, оставив нам массу впечатлений от встречи да еще досадный промах от проскочившей мимо нас по правому борту обходной протоки.

Ох, и тяжкая же доля тягать тяжеленные плоты супротив мощного течения, да что делать, работать надо. Дотянули, погрузились и, слава богу, протиснулись впритирочку по протоке в основное русло. В полдень следующего дня вдаль возник низкий гул, как от пролетающего на большой высоте ИЛ-18, звук надвигался, а течение все убыстрялось. По совету Стаса чалимся к правому берегу и запускаем вперед разведку, которая через пару часов донесла, что впереди нас ожидает пресловутый водопад. Разгрузив плоты и взвалив на плечи, кроме рюкзаков, еще и тяжеленные гребни, бредем зверовой тропой на все усиливающийся гул. Расступившаяся тайга выплюнула всю кодлу на скалистый уступ, ниспадающий круто пятью ступенями к большой поляне на берегу огромного бучила, в которое с тринадцатиметровой высоты тремя поворотами устремлялся белесый, весь в феерической радуге, кипящий поток. Грохот стоял страшный, даже говорить рядом приходилось, перекрикивая друг дружку. Закрепившись на берегу, вдруг выясняем к своему ужасу, что весь провиант, по халатности оставшегося раззявы, промок под проливным дождем и, несмотря на неоднократную просушку, успел потерять не только товарный вид, но и, пардон, потребительские свойства. Короче, жрать его было нельзя! Отматерив бедолагу, вновь подтягиваем потуже пояса, принимаясь за постройку очередных плотов.

¹⁴ Чемодан – большой камень в пороге.

Трофейный таймень

Охота дает пока что крайне скудный приварок, всего-то несколько рябчишек на огромную толпу, поэтому Стас и начал очередной эксперимент над своим спиннингом, забрасывая самодельный «шторлинг» прямиком в центр крутящегося улова. И уже через часок, побросав топоры и пилы, мы с огромнейшим интересом лицезрели занимательно-завораживающий спектакль, актерами коего выступали Стас с круто изогнутым удилищем в дрожащих от напряжения руках, Ригина с ружьем наизготовку, грамотно перебегающая вслед за супругом вдоль берега, и громаднейший таймень, вытворяющий такие фортели... Вылетая из воды почти всем туловом, изгибаясь на лету, он резко дергал башкой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от впившейся в нижнюю губу блесны, в ореоле брызг шлепался обратно, уходя резким маневром в глубину и вновь повторяя свои пируэты не без оригинальности. Сей концерт был прозаически прерван неожиданно прозвучавшим выстрелом, когда Ригина снайперски вцепила заряд дроби прямиком в чудовищную голову этого гиганта, не задев притом леску. Выволоченный на прибрежный песок мастодонт человеческого роста был усмирен милосердным ударом топора по затылку. Красавец в тридцать два килограмма, сияющий золотистыми в черную крапину бочинами, был бесподобен. «Чудо-Юдо», – пробормотал ошарашенный увиденным Кэп. И он был как всегда прав.

Осоловелые от переезда, нахлебавшиеся душистой юшки и слопавшие по паре кусищ необыкновенно вкусного мяса, мы тихохонько сидели вокруг затухающего костерка, время от времени сыто икая и славословя при этом нашего кормильца. Пойманный Эдичкой на следующий день четырнадцатикилограммовый экземпляр был наречен таймешонком, хотя и был сожран с не меньшим энтузиазмом.

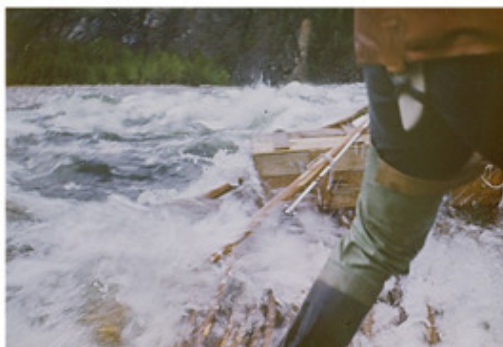
Плоты благополучно достроили и опосля двинули снова к людям.

Потопленец-2

То ли я очень не понравился саянскому водяному богу, то ли причиной всему мое хроническое раздолбайство, но купнуться в этом походе мне пришлось еще разок. Маршрут приближался к концу, уже проплыли староверскую деревню, находящуюся всего в восемнадцати километрах от первого населенного пункта на Бий-Хеме, конечного пункта нашего путешествия. Стремительно мчащийся Енисей не представлял особой угрозы, у всех было приподнятое настроение, ведь позади около семисот километров пехом и водой по самым красивым местам Восточного Саяна. Тяжелый деревянный плот, рубленный по типу саянского салика, управлялся на данном этапе только одной кормовой гребью, а передняя, слегка приподнятая над водой, была зажата у меня между колен, чтобы, в случае необходимости, могла быть мгновенно пущена в дело. Поток разделился на два рукава, обтекающих небольшой остров и сливающихся сразу за ним. В месте слияния плот слегка качнуло на встречной волне, и перо передней гребли окунулось в соседнюю струю.

Катапультирующий удар, «как корова языком слизнула!» – так позднее объяснил сие явление невозмутимый, как всегда, Кэп, и я, всплывая, ударяюсь головой о бревно. Любое тело, попавшее в стремительный поток горной речки, движется с одинаковой скоростью. Эту истину я познал на собственном горбу, вторично колотясь башкой о плот. На третье всплытие воздуха уже не хватало, и, крепко хлебнув водицы, я был готов к самому худшему, когда неведомая сила, выдернув меня из воды, распластала на плотовом настиле. Выплескивая из себя жижу вперемешку с отчаянным матом, постепенно прихожу в себя благодаря судьбе в виде Аксакала, который, заставив ребят держать его за ноги и окунувшись вниз головой в поток, обнаружил барахтающееся тело всего в одном метре от себя.

«Дуракам везет», – выдавил из себя очередной перл Кэп, и я с ним полностью согласился.

Плывем на саликах

1962—2007. Шестьдесят второй

Монотонное поскрипывание снега под широкими лыжами «Турист», брезентовые бахилы, натянутые поверх лыжных ботинок, накрепко охваченных полужесткими креплениями, и уже набрякшие от налипшего на них снега, неровное сопенье трех придурков, тропящих лыжню друг за дружкой в сумеречной тайге – предновогодний вечер далекого и уже ускользающего в никуда шестьдесят первого года.

Идея отметить Новый год в потаенной охотничьей избушке, затерянной в таежной глубинке Шалинского района, всплыла спонтанно у нашего неформального лидера Пини нежданно для нас с Аксакалом, была горячо одобрена и материализована в самые кратчайшие сроки. В наших «абалаках» чтой-то заманчиво побулькивало, что подстегивало наш энтузиазм, но, увы, не ускоряло хода, уж больно много снега успело навалить за прошедшие пару месяцев. Уже стемнело окончательно и обалденно вызвездило, на черном небушке перемигивались фантастически огромные звезды, сиреневатый снег на полянках и огромных разлапистых елях, теснящихся по сторонам узкой визирки, создавали сюрреалистически волшебную картину, столь далекую от обыденной городской суетной текучки. Душа пела, но пузо уже потихоньку урчало, предвкушая праздничный ужин и подстегивая, подстегивая наши молодые неумные организмы к быстрейшему шевелению конечностями. Несмотря на двадцатиградусный морозец от нас всюду валил пар после шестичасового марш-броска, когда неожиданно раздалось приглушенное потюкивание топора и на небольшой поляне нарисовалась утонувшая в сугробе маленькая избушка с огромной снеговой папахой на затылке, с короткой трубой, из которой стайкой улетали в черное небо золотистые искры. Невзрачный дедок в натальной рубахе с охачкой березовых поленьев в руках вначале изумленно упялился на наши разгоряченные рожи, а затем, коротко матюкнувшись, исчез, поднырнув за низкую дверь. Ошарашенные такой встречей, мы застыли истуканами перед входом, когда дверь резко распахнулась и дедок после короткой, но так понятной каждому русскому тирады прошамкал: « <...> уж, коли приперлися».

Ввалившись в жаркое и тесноватое пространство, освещенное тусклой карбидкой и огненными всполохами из-за неплотно прикрытой печной дверцы, мы как-то потерянно

топтались на месте, толкаясь локтями и наступая друг дружке на ноги. Дедуля, помешивая деревянной ложкой какое-то варево в котелке, стоящем на печке, буркнул, не глядя на нас: «Хера ли мельтешить-то, разбалакайтесь да на гвоздочки-то цепляйте свои хламиды. Ходят тута всякие!» Смущенные донельзя, обескураженные таким приемом, потихоньку стягиваем с себя промокшие брезентовые штормовки и пропотевшие насквозь шмотки, переодеваемся в сухое и начинаем распаковывать влажные рюкзаки. Места действительно маловато, и, расстелив в углу брезентуху, разложив на ней ватные спальники, умащиваясь на скрипучей скамейке, начинаем выкладывать на колченогий стол свои припасы. Дедуля, насупив седые брови, презрительно швыркал свою похлебку, закусывая хлебной горбухой, демонстративно повернувшись к нам спиной. Испросив разрешения на приготовление чая и не получив ответа, остороженько ставим на край плиты набитый снегом котелок, режем колбаску, селедочку, красную рыбку, соленые огурчики, открываем баночку красной икорки, готовим бутерброды, дырявим пару банок сгущенки – уж больно быстро набегают время, скоро, ох, как скоро грянет новый, тысяча девятьсот шестьдесят второй год. Чай аж плюется кипятком и крепко заварен, в кружки набулькан чистейший медицинский, а наш дедуля, отвернувшись к бревенчатой стенке, уж больно старательно изображает спящего. Сконфуженно удерживая в руке алюминиевую кружку, Аксакал, остороженько подталкивая деда в плечо, предлагает присоединиться к начинающемуся застолью.

Несколько раз брыкнувшись на своих нарах, дедуля все-таки соблаговолил повернуть обросшую клочковатой бородежкой изморщиненную физиономию к столу. Маленькие хитроватые глазки, глубоко утонувшие в темных глазницах, изумленно упялились на натюрморт из деликатесов, мохнатые ноздри завздрагивали от несвойственных в сих апартаментах запахов, а рука, рефлекторно ухватившая кружку, совершив молниеносное движение, шустро выплеснула содержимое в широко открывшийся щербатый рот... Бог ты мой!!! Мы в ужасе наблюдали за случившимся: дед, глухо захрипев, судорожно присел и, бешено вращая зенками, хватаясь скрюченными паклями за шею, медленно-медленно завалился на тряпье, служившее ему постелью. Оцепененье наше было снято прерывистым рыком: «<...> твою мать! Закусить-то дай, сука!!!» Судорожно запихивая в рот подвернувшуюся под руку снедь, уливаясь слезами и под конец окончательно поперхнувшись, дед, оглушительно икнув, глухо изрек: «Ну, <...> уважили старика-то!» Счастью нашему не было предела, фляжка заново радостно булькнула, чеканувшись кружками, мы опрокинули еще разок, а тем временем и куранты по радио известили о свершившемся!

Толкаясь и радостно поматериваясь, мы в одном исподнем выкатились из избы и замерли в благоговенье... Луна, залившая поляну и мохнатые ели фосфоресцирующим неземным светом, свершила чудо – снежинки, медленно парящие в стылом воздухе, белоснежные хлопья, лежащие на деревьях, и вся, вся снеговая поляна медленно плыли вокруг нас вне времени и пространства. Необъяснимое чувство единства с этой чистой русской природой перехватило сладостным спазмом горло, слезы радости от причастности к этому таинству неожиданно затуманили наши глаза, а непопорченные еще сучьей жизнью души защемило в неопишемом восторге от увиденного. Вот в такие-то моменты жизни и начинаешь понимать, что ты являешься частичкой Великой и Могучей России, чувство, которое, к великому сожалению, испытываешь крайне редко, а иногда и теряешь его навсегда, погруженный в суетню повседневной работы, всяческих разборок, никчемных удовольствий и сиюминутных радостей. А жаль...

Оцепенение прошло, притулившись подле избы кучерявая елочка украсилась развешанными на ветвях портянками, рукавичками и кальсонами, дружно громыхнул троекратный ружейный салют, эхом прокатившись по безмолвному лесу, и, слегка подзакоченев, мы дружно протиснулись в теплую и радостно принявшую нас в свои объятия избу, прямиком в раскряченные грабли раскрасневшегося старикана. Ну а далее, как в любой русской компании – понеслось! Дедуля, как выяснилось, Митрич, оказался просто чудом: не избалованный внима-

нием, колоритнейший, исконно русский трудяга, охотник-промысловик, привыкший тяжким трудом зарабатывать себе на жизнь, он уморил нас своими рассказами и хохмами. И только под утро мы все забылись коротким и каким-то светлым сном.

Пробуждение было легким, в избенке пахло свежесваренной картошкой, на столе был идеальный порядок, даже Митрич напялил какую-то чудную рубаху. Позавтракав чем бог послал, еще пару часов провели в дружеской беседе, многое узнав о хитростях зимней уральской охоты, полюбовавшись на шелковистые шкурки куничек и белок, добытых старым охотником. Оставив деду оставшееся от застолья и кой-что из барахла, обнялись, расцеловались, пообещав не забывать старика, и двинули в обратный путь, сохранив в душе светлую память о том незабываемом и, увы, не повторившемся больше никогда чудесном Новом годе...

1945—2008. Детские зарисовки

*Час зачатъя я помню не точно,
Видно, память моя однобока...*

В. Высоцкий

Детская память избирательна. И иногда, уже в зрелые годы, неожиданно, как током, шваркнет яркое воспоминание твоего непростого военного детства, заставив вздрогнуть задубевшую от повседневности душу, вернув на время абсолютную детскую раскованность и бесхитрость.

День Победы

Через месяц мне будет пять. Последнее время вокруг как-то все поменялось, мои бабушки и деда, да и мамочка, приходящая с работы уже затемно, ходят с какими-то просветленными лицами. Никогда до этого я не получал столько ласки и маленьких, но таких вкусных подарков, а однажды мама, собрав в кучу всю родню, облачила меня в настоящую военную форму, даже крохотные сапожки пришлось в пору! И, взявшись с ней за руки, мы вышли на нашу центральную улицу, по которой, под звуки духовых оркестров и гармошек, катились толпы очумело радостных людей. Вопли, крики, слезы, незнакомые люди обнимаются, целуются, какие-то дядьки подкидывают меня в воздух, дарят конфеты, и все кричат, кричат одно только слово: «Победа! Победа! Победа!»

Так мы добираемся сквозь столпотворение до штаба УралВО. Цепко уцепившись вспотевшей ладошкой за теплую и крепкую мамкину руку, свободной правой пятерней отдаю честь каждому встречному военному. Те очень серьезно отвечают мне, прикладывая руку к козырьку фуражки, а затем, схватив на руки, тискают, целуют, суют в карман всякую вкуснятину.

А после был ВЕЧЕР! Незнакомые дяди и тети, набившиеся в нашу небольшую комнату, обнявшись, пели и плясали, взвизгивая и приседая. Где-то за полночь все угомонились и потихонечку куда-то рассосались, остались только двое дядек в кителях с кучей блестящих орденов и медалей на груди, сидевших, обнявшись, за бесхитростным столом с остатками еды и пустыми бутылками, и один из них (помню, что майор Колмогоров), колотя здоровенным кулачищем по столешнице, так что все на ней подпрыгивало, вытирая тыльной стороной ладони покрасневшееся лицо, повторял, как в бреду, одну только одну фразу: «Сука Жуков! Сучара!»

После я долго пытал маму, кто такой Жуков и почему он собака, но мать, отшлепав меня по попе, строго-настрого запретила вспоминать об этом. И только прочитав уже в зрелом, а скорее преклонном возрасте книгу Виктора Суворова «Тень победы», осознал, почему же майор так «сучил» Великого Маршала Победы.

Выселение

Прошло-то всего пара месяцев, и вдруг днем неожиданно нашу комнату заполнили деловые такие парни в солдатской форме и, несмотря на отчаянные вопли обеих бабушек (мама и дед были на работе), стали быстро-быстро вытаскивать весь наш нехитрый скарб во двор, сваливая его в кучу. Оказывается, всю войну мы жили на «уплотнении» в трехкомнатной квартире майора интендантской службы по фамилии Серебро. Вечно хитро улыбчивый, упитанный такой дядька, с пузом, выпирающим из-под «диагоналевой» гимнастерки, лебезящим голоском расспрашивающий о нашем здоровье и изводящий всю нашу вечно полуголодную семью обалденными запахами какой-то еды, приносимой им с «работы» и исчезающей затем бесследно на ихней «половине», после войны вдруг сразу резко изменился. Невесть откуда вдруг прорезался командирский такой рык, обрушивающийся на нас при каждом удобном случае, естественно, когда мама была на работе, и, как финал, неожиданное «законное» выселение «уплотненцев». Примчавшаяся с работы мама, обнаружившая плачущих стариков над грудой немудреного хлама, своего сына, гордо охранявшего это барахло с кобурой из-под ее именного «Вальтера», крепко зажатого промеж двух вспотевших ладошек, рванула на поиски вмиг исчезнувшего майора, увы, безрезультатно, а то вот была бы потеха. Моя мамуля, чемпионка Управления милиции по лыжным гонкам и рукопашному бою, наверняка бы начистила «сви-стульку» этому вояке. Вскорости подошла «полуторка», и мы очутились уже в коммуналке «Городка милиции» на Чапаева, 14.

Начался очередной виток нашей непростой жизни.

Золото

Прямиком под нашими окнами по улице Большакова протекала узенькая вихлявая речка, нареченная «говнотечкой». Сразу же за речушкой, на крылечке своего старого деревянного дома частенько сиживал бородастый дедок – известный уральский сказочник, писатель, добрыми сказами которого зачитывалась вся наша детвора, Павел Петрович Бажов¹⁵ и, попрыхивая неизменной трубочкой, созерцал вместе с любопытной голопузой пацанвой, как у самого мостика деловито колукает речную грязь, промывая затем в ситах и лотках, бригада вольных «старателей». Самое же интересное было опосля, когда ребятня, высунув от любопытства языки и швыркая сопливymi носами, с восторгом отслеживала выжигание ртути в чугунной сковородке и последующий сбор темного ноздреватого готового продукта – золота – в цельную столовую ложку с горбом! Каждый вечер. А потом дедушка Бажов помер, речку закатали в асфальт, понатыкали высокие каменные дома вокруг, социализм лопнул, и мы оказались там, где мы и оказались. В речке. В нашей речке, где, как завсегда повелось на Руси великой, поверх светлого золотого дна зачастую катится мутный поток с переваливающимися на течении ошметками говна.

¹⁵ Уже будучи взрослым, прочел как-то в периодической печати, что за подписью доброго дедушки Бажова, когда он был председателем какого-то там комитета по архитектуре, были разрушены и напрочь уничтожены многие уникальные уральские памятники старинного зодчества.

ТТ

Мое спальное место было устроено в проходной комнате коммуналки на три семьи, а напротив, на узкой раскладушке, прозябал проводник служебной собаки дядя Сеня Казакевич. Вечно поддатый, неряшливый и небритый, он, когда не был на дежурстве, донимал меня, маленького огольца, какими-то глупыми россказнями, развлекая только иногда процессом чистки своего табельного ТТ, который он собирал и разбирал несчетное число раз за день. И вот однажды, размахивая пистолетом и неся какую-то околесицу, он повернулся ко мне и... Вдруг черное дуло оглушительно бабахнуло, полыхнув огнем, и мимо моей щеки шустро шмыгнуло что-то очень горячее, странно чмокнув в прикроватную стенку. Сеня, выронив дымящийся пистолет, с воплем рванул ко мне, ощупывая со всех сторон, причитая и рабски заглядывая в глаза, а затем, очень уж грубо руганувшись, схватив свои нехитрые шмотки и оружие, в диком темпе вылетел наружу. Пришедшая неожиданно рано с работы мама обнаружила свое чадо сосредоточенно колупающим аккуратную круглую дырку в обоях над своим изголовьем. Ну, что потом было! Всем досталось, а виновника торжества она изловила попозже и уж оттянулась на нем на всю катушку. Но черная дырка пистолета, хищно глянувшая однажды мне в лицо, нет-нет да и всплывает в памяти.

Патрон

На коммунальной кухне теснотища. Потрескивающая сыроватыми дровишками печка загромождена кастрюлями и сковородками, в которых чтой-то там аппетитно шкворчит и булькает, рефлекторно вынуждая сглатывать набежавшую слюнку маленького сорванца, притулившегося в самом углу и вожделенно пялившегося на всю эту вкуснятину. Достался же ему только самый краешек раскаленной плиты, на котором он жарит нарезанную кружочками и посыпанную крупной солью картошечку. Картошка коробится, румянится и, постреливая коричневатой корочкой, так и просится в рот. Раскрасневшаяся от жара тетка Нина, жена дяди Пети, бывшего разведчика и балагура, все время теснит своим пышным боком то меня, а то и мою бабулю, добродушно ворча и что-то приговаривая. Сам же дядя Петя, уместившись на хилой табуреточке, курит одну за другой вонючие папироски типа «гвоздик» и что-то благодушно бурчит, с любовью поглядывая на свою половину. А в кармане коротких штанишек у меня уже долгонько обосновался выменянный на «колоб»¹⁶ драгоценный винтовочный патрон от трехлинейки. Желтенький и крутобокий, с хищной острой мордочкой и круглым аккуратненьким медным капсюлем, он давно не давал мне покоя, и я все тискал и ласкал его своей ладошкой, подспудно ощущая ту страшную силу, что была в нем так безобидно запрятана.

И что меня дернуло вдруг, распахнув на момент дверцу плиты, зашвырнуть его подальше в топку на самые раскаленные уголья. Прошло несколько секунд... Оглушительный взрыв заставил подпрыгнуть потерявшие вмиг крышки кастрюли, по всей кухне полетели горящие головешки, лапша длинными соплями повисла на потолке, женщины дружно взвыли, а герой-орденоносец дядя Петя, мгновенно растянувшийся на полу, грамотно закрыл свой затылок сцепленными ладонями. Не отвлекаясь на созерцание всей этой потехи, я шустро дунул на выход. Но цепкая хватка бывалого разведчика настигла меня напрямик у спасительной двери, и тут-то моя закаленная частейшими порками задница ощутила весь энтузиазм сконфуженного защитника родины. Мама, обнаружившая хнычущее под одеялом от боли собственное ненаглядное чадо, по первости добавила от себя чуток офицерской портупеей, а уж потом полетела разбираться с воином-освободителем. Судя по шуму и крику, доносящемуся через стенку, тому мало не показалось. А задница *саднела* еще несколько дней. А потом прошла...

¹⁶ Колоб – круглый подсолнуховый жмых, мечта всех огольцов послевоенного времени.

Косалка¹⁷

Старая двухэтажная и наполовину деревянная начальная школа гудит на переменке, как взбунтовавшийся улей, по коридорам и хлипкой лестнице носятся оголтелые стаи очумевшей от учебы детворы, сшибая все на своем пути, дико завывая и раздавая во все стороны тумачи и оплеухи. Но больше всех достается мне, и даже самые хилые норовят ткнуть или ущипнуть этого засранного отличника, «маменького сыночка», прекрасно зная, что сдачи-то не получат.

Вот и на сей раз, придя из школы с хорошим фингалом под глазом и хлюпающим от обиды носом, нарвался я на своего двоюродного брата, гостившего у нас по случаю внеочередного, заслуженного на срочной службе отпуска. Внимательно обследовав мою побитую морду, ощупав мускулы и внимательно выслушав мой горький рассказ, он преподал мне двухчасовой курс «молодого бойца», благо что у него за плечами был первый разряд по боксу. Кроме того, я получил еще и заряд психологической подготовки и, вооруженный новыми знаниями, решительно почапал поутру в «альма-матер». Первый же налетевший на меня здоровенный второгодник Леха схлопотал «прямой» прямо по сопатке и, брызнув кровью из разбитого носа, обалдев от боли, звонко шлепнулся задницей на пол. Взвыв от обиды, он, вскочив на ноги, бросился было на обидчика, но был перехвачен на полпути нашими огольцами. Дело в том, что любая мальчишеская драка по неписаным законам велась до «первой краски», а она была налицо, вернее, на лице. Леха, вырываясь из дружеских объятий и сморкаясь сукровицей, тут же всенародно объявил мне, что после уроков он вызывает меня на «косалку»!

На заднем темном и заросшем травкой дворике собралась нехилая толпа зрителей, хихикая предвкушавших забавное и завлекательное зрелище. По углам импровизированного «ринга» уже лежали потертые портфели и отцовские полевые сумки, когда в центре сошлись два «гладиатора». Дрожа от охватившего меня озноба, вспомнив наставления братана, я упилился взглядом в переносицу рослого противника, неожиданно уловив в его глазах какую-то внезапно мелькнувшую робость и капельку страха, и, резво нырнув под налетающий на меня кулак, быстро двинул хуком в его бедный распухший нос. Дикий рев восторженной толпы, схваченный за обе руки, визжащий от бессилия Леха, дружеское похлопывание вмиг зауважавших меня пацанов и, как следствие, переход на другой, более высокий уровень общения. С тех пор никогда и никому не позволяю «наезжать» на меня или моих близких без последствий для решившихся. На всю оставшуюся жизнь...

¹⁷ Косалка – ребячья драка один на один.

Кадетство

Весна. Что на душе у десятилетнего огольца? Снова ссылка в Ревду, лазанье по чужим огородам, пиратские набеги на скрапбазу¹⁸, где горами громоздилась битая немецкая военная техника, предназначенная для переплавки в мартене старого уральского завода, полыхающего по ночам в полнебушка красными зарницами по окончании очередной плавки, под заунывные всхлипывания вездесущих «кукушек»¹⁹. А там, на базе, надыбать, таясь от сонных «вохровских» охранников, можно было многое: и клапана от самолетных двигателей, продырявив которые можно было запендюрить их из-за забора напрямик в огромную лужу перед тормозящим с крутой горки грузовиком, под радостное ржанье разбегающихся в темноту по огородам шалопаев, когда натрий вспыхивал ярким белым клубом пламени под ядерные материки испуганного шоферюги; а ежели везло, то можно было нарваться и на затыренное в башнях танков и грузовиков оружие, от хреновенького ножичка до всамделишного боевого пистолета, который все равно отбирали старшие пацаны, чтобы потом, в урочище под Волчихой, показывать нам, как они палят по консервным банкам. Да че говорить-то, завлекательное это дело было.

Ан нет! Судьба уготовила новый поворот в моей короткой пока жизни. В мамкино Управление пришла разнарядка на одно место в Ленинградское суворовское училище войск МВД. И начались нудные конкурсные экзамены в клубе Дзержинского. Поначалу набежало под две сотни гавриков, потом, после отсева, осталось только два десятка, а после особо жестких испытаний осталось всего четверо пацанов, поставленных на государственный кошт и отправленных с сопровождающими на заключительный экзамен в само училище. А мама исхитрилась попасть в их число, и я впервые в жизни ощутил, вернее, осязал всю прелесть поездки в послевоенном плацкартном вагоне с непременно кипящим черным чаем и хрустящими, рассыпающимися во рту сушками, которые разносили по вагону проводники в форме со смешными погонами.

Уже по приезде в Питер выяснилось, что училище находится в Старом Петергофе, в трех чудом уцелевших от бомбежек и артобстрелов кирпичных зданиях, одиноко торчащих среди руин за двумя рядами колючки и спиралью Бруно. Супротив же окон столовки, на нейтральной полосе, между заграждением и вечно взвизгивающими электричками, на бетонных надолбах²⁰ висел раскорякой разбитый прямым попаданием под башню немецкий танк с крестами на бочине, а все пространство вокруг было утыкано фанерками с надписями «Осторожно! Мины!» и «Ахтунг! Минен!». Все это было внове, и мы, развесив уши, слушали сказки бывалых воспитанников в черной форме с синими лампасами, эмвэдэшных фуражках и с надписями на синих же погонах «ЛГ», которую старые кадеты помогли тупым салагам правильно расшифровать – «Легавый городской!», о нашем будущем житье-бытье.

Повергла поначалу в шок сытная еда в столовке, где все сидели за столиками по четверо, «добавка», которую приносили столько раз, сколько захочешь, улыбочивые тетеньки в белых фартучках, вот только огромные краснобокие яблоки давали лишь по одному разу, а очень жаль. А вечерами мы подглядывали в окошко, как, пропустив наряд всамделишных часовых, с ППШ на груди, «старики», поддев рогульками колючку, сматывались в самоволку в город.

Экзамены же тем временем отсеивали одного за другим, и остались только двое – Петька, сын уборщицы из Управления, и я, причем на последнем экзамене я его перещеголял. Радости моей не было предела, мысленно я примерял уже новенькую форму с блестящими кожаными ботинками, но недолго музыка играла, недолго фраер танцевал! Маман, по натуре очень вьедливый товарищ, недаром ведь десяток лет прошел на «улице», то бишь на оперативной

¹⁸ Скрапбаза – склад металлолома (после войны).

¹⁹ «Кукушка» – паровоз серии Ку (К усиленный), выпускавшийся с 1911-го по 1914 г.

²⁰ Надолбы – бетонные противотанковые заграждения.

работе, надыбала друзей из числа воспитателей и, наслушавшись их, поняла, для какой работы будут готовить исходный материал, рухнула на колени перед генералом, командиром училища, и упростила поменять нас с Петькой местами, напридумывав всякой всячины.

Вопли мои, по-видимому, были слышны и на исторической Родине и были прерваны только посредством пресловутой и очень действенной портупей. Вконец смирившись с горькой судьбой, я был вознагражден походом на только что восстановленный Петергофский каскад, где золоченые фигуры извергали потоки слепящей на весеннем солнце воды, и все это на фоне руин раздолбанного кронштадтскими дальнобойками старинного дворца. А Самсон, распяливший огромному льву глотку, фонтан «Дождик» и уходящий прямым в Маркизову лужу, то бишь в Финский залив хоровод фонтанов и последующая морская поездка до Ленинграда окончательно усыпили мою пораненную несправедливостью душу. Полдня бродили по Эрмитажу, среди умопомрачительного великолепия когда-то давно живших царей, о которых и читывал-то только в русских сказках, изумленно пялясь на огромные картины, на которых, как в бане, голые тетьки и дядьки совсем уж бессовестно плясали, пили, ели и рубили друг дружке головы. Занятно жили, оказывается, эти древние, в школу не ходили, и халявной жратвы-то у них было навалом. Разгоревшийся от этого аппетит утолили в буфете под огромной мраморной лестницей с толстозадями каменными бабами, где, окромя «Бархатного» пива и железобетонных коржиков, ничего не было, зато впервые в жизни легально удалось хлебнуть пивка.

Ну а потом заново в поезд и домой, к крикливой коммуналке, пацанам, дико завидовавшим будущему суворовцу, прохуdivшимся ботинкам, драным штанам и очередной ссылке то ли в Ревду, а то ли в деревню. Кончилась лафа, да и ладно. Знать, не судьба али Бог отвел.

Дядя Петя

И сослали все-таки меня опять на все лето в старинный уральский городок Ревду, где на берегу испоганенной промышленными стоками речки стоял старый дом старшей сестры моей мамы – тетки Зины, затюканной беспросветной возней по хозяйству, всему этому огромному огороду, постоянно жуящим что-то козам и овечкам и разбегающимся из-под ног дурам курам. Да еще трое детей, постоянно хотевших жрать, и сам глава семейства дядя Петя, невысокого росточка колченогий мастер на все руки, лучший печник в округе и беспросветный пьяница. Почему-то лег я ему на душу, и вечерами, когда неожиданно он бывал трезвехонек, сживали с ним на крылечке, ведя мудрые философические беседы в клубах вонючего табачного дыма от самокрутки «козья ножка», снаряженной ядерным самосадом, которую он практически не выпускал изо рта. А официально трудился он путеобходчиком и все это лето брал меня на работу, благо что от сего он имел огромный гешефт.

Значится, так, нацепив на себя свою рабочую сбрую и отойдя от будки пару сотен метров, он вытаскивал из сумки алюминиевую миску, выливал в нее пол-литра красноголовой водочки и любовно крошил туда же мелкие кусочки старого черного хлеба, торопливо швыркал столовой ложкой всю эту баланду и заваливался дрыхнуть в близлежащие кустики. Натянув на уши железнодорожную фуражку, опоясавшись рабочим поясом с флажками и петардами, ухватив здоровенный гаечный ключ и специальный узкорылый молоток на длиннющей рукоятке, начал я за него «обход» почти до самого туннеля под горой Волчихой, подколачивая выпяченные костыли, подкручивая ослабевшие гайки и определяя на звук отсутствие трещин у рельсов. А когда появлялся пыхтящий паром локомотив, шустро вытаскивал из чехла свернутый желтый флажок и гордо выпячивал его перед собой, заставляя очумело тарачить зенки высунувшегося из окна паровозной будки машиниста, с отпавшей челюстью разглядывающего постепенно уменьшающуюся фигурку новоявленного труженика шпал и рельсов.

В конце рабочего дня чудненько отоспавшийся дядя, лихо опростав заныканную чекушку, отправлялся класть очередную печку, так как завсегда отбоя от заказчиков у него не было. Особливо удавались ему «голландки», хотя и в других печах был он большой дока и вполне мог уж больно жмотистому хозяину запендюрить такую «подлянку», что тот опосля на коленках ползал, чтобы упросить мастера укротить невесть откуда появляющийся в самый неподходящий момент едкий густой дым. А по окончании работ хозяин должен был накрыть поляну и обязательно проводить на волю вконец надрызгавшегося мастера, но только через широко распахнутые ворота, миновав которые тот и шастал до ближайшей канавы, куда и заваливался спать, даже не подозревая, что в соседней уже долгонько томились в засаде мы с братом Рудяшкой, с полученным от тетки Зины указом – любой ценой сохранить доставшиеся за работу деньги. Ведь не единожды она с ужасом и отчаянными воплями выволакивала изо рта облезлой козы Машки заныканные супругом и попрытанные в укромистых щелях «стайки»²¹, свернутые в тугой комок разномастные купюры.

Но уж когда он был трезвехонек... Не было дела, которое он не умел бы делать, особенно по столярному, а уж как он рассказывал про лес! От него узнал я все о грибах, всяких там моховичках, чесночниках, грибе «баране» и «бабьем ухе»; о ягодах всяческих, полезных и ядовитых, как то глаз вороний и волчье лыко; а про травы, так это отдельная песня, знал он их все – и как пользоваться, заваривать, куда прикладывать и подкладывать кому и для чего, когда их собирать и как хранить. А ежели разговор заходил о рыбе! Рыбак он был отменный и меня сблатовал на это дело сразу же. Хаживали с ним на его хитрые «лабазы»²² под гору Маслиху

²¹ Стайка – пристрой для живности (сарайка).

²² Лабазы – мостки, уходящие метра на четыре от берега.

на Волчихинском водохранилище лещей «выворачивать», а попадались иногда «лапти» килограмма на четыре! Вот уж тащить-то их надобно было с умом – дать хлебнуть ему воздуха и, пока он не очухался, валить на бок и так, плашмя, и тягать к берегу. Но самое забавное было по зиме, когда я попадал к нему на зимние каникулы. Снаряжались мы с ним с вечера: пешня, шабалки да самодельные самотрясы, а поутру, еще в темень, таща за собой рыбацкий ящик на полозках, уходили в заветное место, там, где «ходовая»²³ была у Чусовой речки до затопления. Уже на льду, оглядевшись вокруг и сориентировавшись, командовал он: «Коли лунку тут!» – и очень редко мазал. И ежели поклевка была с ходу, бил я, пыхтя от тяжести пешни, рядышком вторую, присаживался на корточки и, достав из-под щеки теплого мормыша, осторожно опускал леску в черную дырку с болтающимися в ней льдинками. Окунь же шел ровнячком, грамм по триста архаровцы, все как на подбор, уже горбатенькие, с расшарашенными плавниками, дюже упорные при таскании, и замерзали-то они в таких шkodных позах! Ящичек наш обычно где-то за пару часов до верху набивался, килограммов под пять набегало, и, тщательно заровняв лунки и подсыпав снега, шастали мы развесело ходом до дому, к теплой печке и картошке в мундире.

Только потом узнал я, что в былые времена затащил туда дядя сруб три на три и затопил по весне, запустив опосля в него то ли мормыша, а то ли малинку, так что окунек там завсегда табунком держался. Нырря лет через двадцать в этих местах с аквалангом, не смог отыскать сие заветное место, а жаль. А еще более было жалко дядю Петю, сгинул он по-глупому – по пьяни потащился к своей полюбовнице в деревню Барановку, что подле Ревды, да и не уступил по лихости дорогу паровозу. Господь ему судья...

²³ Ходовая – старое русло реки.

Пятьдесят третий

Сталин умер. Как гром среди ясного неба. Почему-то все мы считали, что он вечен, – так его славословили и обожествовали, что вся наша ребятня представляла его какой-то огромной стальной и непоколебимой глыбищей. Рыдали училки и пацаны, размазывая по лицу слезы и сопли, никто не мог представить себе, как же можно далее жить без Отца Всех Народов. Однако жилось. И не просто, а круто. Грохнули Берию. И началось... По Городку прокатилась волна самоубийств, в каждом корпусе кто-нибудь да стрелялся.

Вот и у нас, прямо в соседях, дверь в дверь, застрелился капитан Микишев, веселый такой дядька, с девчонками-погодками которого мы обычно хороводились. Но получилось у него как-то неудачно, сразу не помер и, лишившись голоса и подвижности, медленно помирал у себя дома, что-то нечленораздельно мыча и с трудом вращая глазами. Потихонечку от взрослых, его дочери водили нас, вмиг как-то сразу утихомирившихся, к себе домой, и мы со страхом и любопытством разглядывали запрокинутое белое лицо бедолаги, так глупо не рассчитавшего «директрису». Маялся он пару недель, а потом тоже помер.

Опосля в стране началась какая-то чехарда наверху, отголоски ее докатывались и до Городка, да плевать нам уже было по большому счету на всю эту возню. Отсохло все как-то сразу. Свои пацанские заботы одолели. Вон Витек из третьего подъезда засандалил себе такую рогатку из стибренной где-то сталистой проволоки. Закачаешься...

Мама

1920-й. Голод. Мрут селами крестьяне Поволжья, да и здесь, на Урале, деревня перешла на лебеду да крапиву. Угроздило же мою маму уродиться в эту страшную пору, через три месяца после жуткой гибели своего отца Никифора, пришибленного насмерть на лесоповале хряпнувшейся неожиданно огромной лесиной.

И осталась моя бабка Агафья Васильевна с пятью деточками одна-одинешенька. Старшенькие-то, Димка и Зинка, еще как-то перебивались, шуля кой-какую жратву по таким же горемычным соседям, да и лес еще кое-как подкармливал, а уж как накатила зима, совсем худо стало, отошли, царство им небесное, один за другим средненькие братец с сестричкой, а сама Агафья, доселя отстаивавшая все заутренние и истово бывшая земные поклоны за здоровье малолеток в старенькой сельской церквухе перед старинной иконой, как-то в порыве отчаянья взвыла, слезно умоляя Господа Бога сохранить дитя малое, которое медленно угасало, завернутое в тряпье, по причине кончины засохшего где-то в тощих грудях молока. А когда уж стало совсем невмоготу, моя бабка прилюдно, глядя в светлые спокойные очи Пресвятой Богородицы, последний раз в своей жизни перекрестилась и, запрокинув голову, упялившись обезумевшими глазами в небеса, послала боженьку на три буквы... Несколько минут, упав ниц, ждала неминуемой божьей кары и, так и не дождавшись, шмякнула слабо попискивающий сверток на зашарканный стол председателя сельсовета со словами: «Ить твою мать, Степаныч! Пуцай теперя твоя партия девку титькой кормит, а я топиться пошла». И уже через несколько минут она была взята на службу сельсоветской уборщицей, получив «аванец» в полмешка проса, на котором и протянули они кое-как до весны.

В красной косынке, немного окрепшая и помолодевшая, ринулась она крикливой активисткой в кипящую страстями непростую деревенскую житуху. И в партию-то не попала только потому, что вступилась грудью за многодетную семью соседа своего, трудяги с двумя грыжами, надсажавшегося на тяжких работах по прокорму своей ненасытной оравы, когда местная гольтьба, кроме пьянства и мордобоя в своей кретинской жизни ничего не делавшая, вздумала его раскулачить. Отбить-то отбила, ором да кулаками, да и вылетела за то со своей государственной службы.

А потом все как-то утряслось, и хотя жили по-нищенски, худо-бедно переменяясь с хлеба на квас, благо что Дмитрий, ставший в семье за «хозяина», в свои четырнадцать вкалывал за троих мужиков, все-таки выжили и даже подросшую младшенькую, Наталью, мою будущую мамку, спроводили ходить в сельскую школу. Зинка же, рукодельница и швейха, обшивала полдеревни, получая за труды свои натурой то картошечку, а то, иногда, и мучицу.

Шастая же год за годом по утрам в школу, что стояла за селом, по старой демидовской плотине, превращалась постепенно малолетка в стройную красивую девушку, на которую уже стали зариться местные разбитные парни.

И однажды Васька с соседской улицы, укараулив ее как-то вечерком на этой плотине, попытался ухватить своими паклями под телогрейкой. Ухватить-то не ухватил, а вот с набитыми жгучим снегом под завязку штанами, получив добрый поджоппник подшитыми катанками, укатился по кособогу напрямик до замерзшего пруда. С той поры женишки как-то приутихли и старались особенно не задираться, уж больно не хотелось прилюдно получить полновесную плюху по харе.

А природа одарила ее еще и сильным, чистым и красивым голосом, услышав который на районном смотре художественной самодеятельности приехавшая из Ленинграда профессорша консерватории буквально вцепилась в перспективную девушку, уговаривая за казенный счет уехать в Питер для поступления и дальнейшей учебы в ее заведении. Однако Дмитрий, выслушав все это, взял своей заскоружлой лапищей за ухо и, приподняв, изрек: «Все энтие

певички – б...и, а в нашей родне Железниковых испокон веков таковское не водилось, блажь все это, сиди тут и не чирикай!» – поставив последнюю точку в неудавшейся вокальной карьере.

Закончив на пятерки сельскую школу, подалась она в районное педучилище и вдруг, на одной комсомольской конференции в самом городе, случайно встретила и отчаянно влюбилась во властного и красивого комсомольского вожака. И она пала тому на душу, долго ли, коротко ли, а сыграли вскорости свадьбу, и очутилась она в старом жэковском доме по Якова Свердлова, рядышком с вокзалом, да и работа подвернулась интересная в Свердловском дворце пионеров. И через год, в первые числа лета, когда нежданно выпавший снег поломал уже опушившиеся молодой листвой деревья, родовая палата районного роддома огласилась отчаянным воплем первенца, красного и крикливого, вечно в мокрых пеленках, любимого сынули, которого тетенькали, холили и любили до безумства всей семьей.

А еще через год вся страна содрогнулась от страшного известия – ВОЙНА! Ввели карточки, затемнение, поголовную жесткую проверку документов и расстрел на месте за мародерство и грабежи. Ровно два месяца отец обивал пороги военкоматов и парткомов – безудержно рвался на фронт, хотя ему, секретарю Сталинского райкома комсомола, была обеспечена номенклатурная «бронь» и безбедная жизнь аж до конца войны. Ан нет, достал он всех, и, махнув на него рукой, дали добро. А вслед за мужем, через месяц, обманув военкома, ушла вместе с медсанбатом на войну и моя мама, оставив на попечение стариков свое годовалое дите. Провоевав на переднем крае пару месяцев и вытащив с поля боя с десятков тяжело раненных, словила шальную пулю в правое плечо. Валяясь в госпитале, неосмотрительно показала соседке по койке письмо из дома, та капнула начальству, и быстрехонько долечив, отправили маму восвояси, ведь даже в то ужасное время действовало положение, по которому матерей малолеток в действующую армию не брали. (Медаль же «За боевые заслуги» догнала ее аж после войны.)

А в конце года пришла страшная бумага... До мозга костей искренне преданный делу партии, коммунист в самом светлом понимании этого слова, старший политрук-десантник пропал без вести в октябре сорок первого. И только после войны добрался до нас его вестовой, молодой парниша, которого выбрасывали вместе с ним и еще несколькими десятками десантников во вражеский тыл. Но, как бывало во всей этой сумятице первых месяцев войны, штурман головного самолета ошибся в расчетах и высыпал всю группу в наступающие порядки немецкой дивизии. А наш Васютка, со страху намертво вцепившийся в дюральку люка, был с кровью оторван от нее выпускающим только через минуту и, приземлившись где-то в стороне, петляя как заяц, уходя от погони, проблудив по лесам с полмесяца, вышел случайно к партизанам, где и провоевал до прихода наших.

Лишившись продовольственного аттестата офицера-фронтовика, с тремя стариками и маленьким ребенком на руках, заручившись ходатайством старых друзей отца и воинской характеристикой, по комсомольской путевке попала мама на работу в Управление милиции на оперативную работу в уголовном розыске. Кто в то время работал «на земле», хорошо знает, почем фунт лиха была эта самая розыскная работа. В критические времена испокон веков наряду с массовым героизмом и полной самоотдачей всплывала на поверхность вся эта накипь: бандиты, мародеры, спекулянты и предатели... Работы было навалом, уходила из дома рано, а возвращалась уже затемно и однажды, уже около дома, нарвалась на тройку ушлых парней, грамотно загнавших ее в угол и, поигрывая финками, потребовавших сдать все добро. Демонстративно открыв дамскую сумку, как бы отдавая деньги, внезапно выхватив из ридикюля безотказный «Вальтер», вцепила пулю промеж глаз самому длинному и, отклонившись от ножа в сторону, отстрелив второму яйца, засандалила рукояткой пистолета взвизгнувшему от страха последнему, сдав всех скопом набежавшему военному патрулю.

В тяжком сорок третьем донесли информаторы, что где-то в дремучих лесах Шалинского района, куда и сейчас не всяк охотник в одиночку отправится, появилась банда, время от времени налетавшая на сельпо и склады с продовольствием, что дало повод аналитикам предположить, что дело имеют, скорее всего, с дезертирами, коих, и о чем как-то сквозь зубы упоминают военные историки, было в те времена предостаточно. Посылать наобум в эту тьмутаракань особистов было бесполезно, и решило высокое начальство отобрать надежных деревенских девчат из числа сотрудниц и, нарядив их сельчанками, отправить в те места под видом грибников и ягодников. Естественно, и моя мама попала в их число, день за днем прочесывая поквратно тайгу с лукошком в руках, совершенно безоружная.

Однажды, уже под вечер, выходя на нужную визирку, окликнута была статным красавцем в военной форме с медалями на гимнастерке. Слово за слово, разговорил он ее, выпытывая, чья да откель, перепроверяя по несколько раз грамотно поставленными вопросами. Пытливый же ум выросшей в глухой деревне и прекрасно ориентирующейся в лесу маме подсказал, как разглядеть тайные засечки на деревьях и незаметную тропинку, то исчезающую в ручейке, а то и выныривавшую из него.

Договорившись назавтра встретиться опять же на этом месте, уже ввечеру докладывала обстоятельно диспозицию и ориентировочное расположение бандитской базы своему непосредственному начальнику. Захват разбойников наскоком не удался: нарвавшись на плотный автоматный огонь и понеся потери, милицейская группа захвата спешно ретировалась, вызвав подмогу. Подоспевшая воинская часть, методично подавив минометным обстрелом основные огневые точки, мелкими группами прорвавшись через вырубленное и пристреленное по вешкам пространство, выколупывала паршивцев несколько часов из-под раскуроченного минами настоящего укрепрайона.

Через пару деньков, проходя по коридору Управления в своей лейтенантской форме, нос к носу столкнулась со своим неудавшимся ухажером, конвоированным на допрос. Он, увидев свою визави, изначально судорожно дернулся, а затем, покачав головой и криво улыбнувшись, сторбленно проковылял мимо, припадая на раненую ногу, подталкиваемый в спину дюжим конвоиром. Медаль же «За отвагу» на сей раз была получена вовремя.

Так мы и жили: мама безвылазно пропадала на работе, дед, потомственный часовщик, не выползал из своей крохотной часовой мастерской, заваленной старинными часами, будильниками и прочей хлабудой, а я, как вольный ветер, потихонечку рос, обихаживаемый своей старой доброй бабушкой. И как-то в голову не приходило, что у мамы возможна какая-то личная жизнь, когда, в мои пятнадцать лет, она познакомила меня с человеком, который вошел органично в нашу семью и стал мне вторым отцом, враз изменив всю мою дальнейшую судьбу. Вышел он, как принято было говорить в те года, из рабоче-крестьянской семьи и уже в свои восемнадцать лет гонял во главе летучего отряда красных конников банды басмачей по Средней Азии. Затем комсомольская путевка на учебу в Промышленной академии, научная работа, своя школа, свои ученики, Сталинская премия за автоматизацию доменных процессов, профессура и... ссылка на Урал, а вернее, спасение от возможных репрессий за слишком уж принципиальный и прямой характер, что по тем ужасным временам было чревато... (Его друг, директор института имени Кржижановского, просто-напросто спрятал его в Свердловске, что в сумятице и не сумели отследить лоханувшиеся поначалу спецслужбы.) Без оставшейся в столице и как-то отошедшей от него семьи, весь по уши в любимой работе, встретился он случайно в поезде и влюбился безоглядно в мою лихую мамулю. Намыкавшись поодиночке, они полностью растворились друг в друге, а счастью-то моему не было предела. Охотник, жизнелюб, строгий, а порой и суровый в оценках любых жизненных проявлений, будь то политика, работа или семейные отношения, скупко любящий меня и народившегося вскорости брата, он на всю мою оставшуюся жизнь остался эталоном мужской силы, глубокой порядочности и абсолют-

ной честности. Пятнадцать лет счастливой жизни и нелепейшая кончина на пике творческой карьеры от непростительной врачебной ошибки.

Враз постаревшая, но не потерявшая силы духа, мама вновь полностью окунулась в работу, общественную и партийную жизнь. Братец вырос, обзавелся своей семьей, нечасты стали наши встречи, и как-то незаметно, буднично так, старела и теряла жизненные силы любимая мама. Но хорохорилась, старалась держать себя в форме, встречалась со своими боевыми подругами, продолжала, уже теряя зрение, участвовать в самодеятельности общества слепых, заботе о котором посвятила свои последние годы. Ужасно переживала, глядя, как рушится все вокруг, ради чего жила и чему отдавала все свои силы, здоровье и саму жизнь. Не понимала, как же можно было так гнобить свой народ, низводя его до нищенского уровня. А когда уж совсем стала слаба, забрали мы с супругой ее к себе, обихаживая и ухаживая за ней.

Чувство щемящей тоски и безнадежности охватывает тебя, когда начинаешь понимать свою беспомощность, неспособность сохранить остатки сил у впадающего в детство любимого человека. И до сих пор, когда вспоминаю маму, ее потрясающее жизнелюбие, целеустремленность и нестигаемую волю, глубокое чувство вины, хотя и винить-то вроде не за что, не покидает меня, и дай Господь в ТОЙ жизни припасть к материнской груди и выплакать горючими слезами всю ту накопившуюся за годы боль, тоску и безысходность, захлебнувшись в сыновней любви к единственному человеку на земле, подарившему тебе эту жизнь...

Мама. Наталья Никифоровна Тимофеева

P.S. А память о родном отце сохраняется в кожаном брючном ремне образца 1935 года, который я ношу, не снимая, до сих пор.

1957—2006. Завод

Как глупо... Да еще и по любимому предмету! Еще вчера, проанализировав в голове все возможные варианты решения сложной математической задачи, выбрал самое оригинальное и, оченно гордясь этим, стал ожидать отличного результата на вступительных экзаменах в Горный институт. Тю-тю камули!²⁴ Пара! И за что? За глупейшую арифметическую ошибку! Грустно получив в приемной комиссии документы, два бедолаги, товарищи по несчастью, Боря и я, печально побрели до ближайшей рюмочной. Протолкавшись в толпе опоек пару кругов по этому богоугодному заведению, трясаясь затем в побрякивающем всеми старыми суставами допотопном трамвае пятого маршрута, тупо пялились в запыленные окна и вдруг на остановке «Техническое училище» глаза резанул огромный щит: «Объявляется прием...». Пулей вылетев из вагона, через пять минут уже парили мозги двум прелестным дивам из приемной комиссии, а еще через пять, в состоянии эйфории от происходящего, слепо сдали свои документы на фрезерное отделение и, жутко гордые, удалились дообмыввать сие деяние.

Поутру, потряся похмельной головушкой и обнаружив пропажу документов, прокрутив обратно все содеянное вчерась, уже ползали в коленях перед вмиг оказавшимися железобетонными красавицами, умоляя повернуть историю вспять, но, как вежливо объяснили те: «Аллес! Капут! Учитесь, господа, фрезерному ремеслу!» И пошли мы учиться...

Десять месяцев пролетели мухой, и вот у меня на руках красные коры «Свидетельства с отличием», пятый разряд фрезеровщика-универсала по старой тарифной сетке и направление в самый секретный экспериментальный цех машиностроительного завода имени всенародного старосты дедушки Калинина. Полупустой цех, охраняемый сурьезными девицами из ВОХРа с допотопными наганами на крепких попках, суетня монтажников, устанавливающих новехонькое, еще в масле, оборудование, старые работяги, с интересом разглядывающие «пятиразрядного» сопляка, да еще и профессорского сынка, что по тем временам, не говоря уже о нынешних, было нонсенсом – все это внезапно обрушилось на мою бедную головушку. А тут еще эта подписка о неразглашении «государственной тайны»! Было от чего крыше съехать. Но мой первый сменный мастер, а впоследствии лучший друг Володя Чудинов, приобняв за плечи, провел по цеху, все показал и объяснил, с кем надо познакомил и, остановив у сияющего свежей краской красавца «Чепеля»²⁵, одного из двух во всем цехе, пожелав мне удачи, отдал его в мое распоряжение. А через полчаса, разобравшись со всеми этими рычагами, кнопками и рукоятками, я, поставив в универсальные тисы свою первую заготовку, превратил оную через пару часов в готовую деталь. Скрупулезно обмерив все причитающиеся по чертежу размеры, старый мастер ОТК, чтой-то хитро хрюкнув себе в усы, расписался в «сопроводилке» и шлепанул туда свое личное клеймо. И началась моя рабочая жизнь!

А работать приходилось с «листа», то есть конструктор, весь в мыле, прибежал к тебе с «белком»²⁶ только что вычерченной детали и безо всякой технологической операционной разбивки, объясняя на пальцах, умолял побыстрее «отваять» ее в металле. Зачастую в процессе выползали конструкторские «ляпы», и на одном из них я и познакомился, как потом оказалось, на всю оставшуюся жизнь с талантливым и очень шустрым конструктором Стасом Дерябиным. Размахивая руками, тиская и вырывая друг у дружки чертеж, мы гоняли размерные цепочки и спорили, с какой же базы выгоднее начинать обработку. А материалы были по тем временам дюже дефицитные: тут тебе и нержавейка, и титан, и магний, не говоря уж о специальных конструкционных сталях с качественной термообработкой.

²⁴ Тю-тю камули – в то время ходовое выражение из комедийного фильма; означало «конец мечтаниям».

²⁵ «Чепель» – импортный универсальный фрезерный станок.

²⁶ Белок – белый лист ватмана с вычерченной карандашом деталью.

Завод. Мне 20

Все бы хорошо, но стал замечать я, что мой сосед, старый экстрафрезеровщик Степан Гаврилович частенько, притулившись за моей спиной, с усмешкой наблюдает за моими манипуляциями, а однажды, махнув рукой и возвращаясь к своему «Чепелю», в сердцах бросил: «Через жопу работаешь!» Крайне этим заинтригованный, подкатился я к нему с ехидным вопросом: «А почему?» – «А потому, – изрек он. – Башку-то тебе всякими формулами забили, а вот научить-то нормально работать забыли. Хоть – научу, но только месяца два ни хрена зарабатывать не будешь!» Как же я благодарен ему за ту, не отмеченную ни в каких учебниках науку! Повторив всю его хитрую оснастку, едва уместившуюся в двух металлических рабочих шкафах, подобрав уникальный режущий инструмент, мы образовали с ним крепкий тандем, принимая в работу и разбивая по операциям (одну делает он, а следующую я и так далее) сложнейшие детали. Пространственное представление, и до того врожденно заложенное в мою башку природой, отлично отшлифовалось, и затем, уже в институте, благодаря ему щелкал я, как семечки, все эти мудреные задачки по «начерталке». А с третьего курса института, когда пошли специальные предметы, школа старика Седунина дала о себе знать – учился я играючи, защитившись в конце на «отлично».

Но все это было потом, а пока... Однажды, пыхтя над очередной, крайне каверзной деталью, я вдруг ощутил какое-то похлопывание по плечу. Недовольно дернувшись, продолжаю ответственную операцию, когда похлопывание повторилось. Отключив станок, с ожесточением громко послал нахала, резко оборачиваюсь и обмираю, чуть не напустив со страху в штаны. Передо мной, в окружении подобострастной свиты, с приседающим от ужаса на заднем плане начальником цеха стоит с ехидной улыбочкой сухощавый черноволосый красавец – начальник всего нашего экспериментального корпуса! «Ну и лаешься же ты, сокол, – произнес он в гробовой тишине. – А еще новый четвертый разряд тебе дали. Зайди-ка через полчаса в кабинет к начальнику цеха», – и величаво удалился, волоча за собой шлейф сопровождения. И уже в кабинете, как ни в чем не бывало, расспрашивая о проблемах и трудностях в работе, бросил, что, мол, пора бы и дальше грызть гранит науки. Узнав же, что я уже, да еще и на заочном Казанского авиационного института, изрек: «Будешь после каждой сессии ко мне с зачеткой приходить и упаси господь, ежели тройки притащишь, премии лишу». Классный мужик, так и патронировал меня все время, что я посвятил родному заводу.

А тут и пришел конец отсрочки, настал призыв военных лет, пацанов стало не хватать, и загремели в армию все ребята из вечерних и заочных институтов. Началась солдатская жизнь, но это была уже другая песня.

1960—1970. Подлянки

Уже только в почтенном возрасте и начинаешь осознавать, какой же ты все-таки придурок был в молодые годы. Энтузиазм в то время кипел в тебе бурно и, распирая изнутри все еще растущий организм, требовал реализации в каких-либо хохмах и проделках, зачастую имевших довольно-таки сомнительный запашок.

Дядя Вася

А работал в то незабвенное время за соседним, но, увы, горизонтальным фрезерным станком, как казалось мне тогда, шибко старый, аж полтинник, какой-то заторможенный и малость туповатый дядя Вася. Доверяли ему только предварительные обдирочные работы, и пахал он упорно, осоловело плясь, сидючи на табуретке, на огромную цилиндрическую фрезу, обильно поливаемую охлаждающей эмульсией, коя медленно срезала толстенную стружку с очередной заготовки.

Зуб на меня он имел страшный, так как при аттестации этот сопляк-высочка отхватил аж четвертый разряд, а он, ветеран, черт побери, едва-едва вытянул на третий. И задолбал он меня своим нытьем до не могу. Однажды, уж совсем обозлясь, я рассказал ему анекдот про нашего летчика, сбитого во вьетнамском небе. Попал тот, бедолага, в плен к янкерсам. Мучили его там, колбасили, пытались выудить секретные технические данные наших МИГов, но молчал он, как партизан. Плюнули на него в конце концов, да и обменяли на пленного американца. Попал он заново в родную эскадрилью, поддали ребята на радостях и спрашивают, мол, как там? «Одно скажу я вам, други, – отвечивал он. – Учите крепко, мужики, матчасть!»

Не въехал дядя Вася, не дошло, пришлось обращать его в разум наглядно. Задремав в очередной раз на своем боевом посту и внезапно очнувшись, вдруг с ужасом обнаружил он, что фреза уже давненько елозит на одном месте, хотя «самоход» был включен. И не знал он, что я, воспользовавшись его отключкой, переставил «клювик» переключателя в положение «управление от кулачков». Перещупав поочередно все органы управления и не получив результата, хватается за свою башку и мчится за дежурным электриком, копающимся в это время в кишках проблемного карусельного гиганта.

С трудом, мольбами и стенаниями отрывает того от столь увлекательного занятия и буквально за руку тащит к своему взбунтовавшемуся агрегату, еще не зная о том, что зловерный поганец, то бишь я, совершив мгновенный рывок, вновь перещелкнул переключателем. Вскрыв коробку управления, электрик прощупал контрольной лампочкой все соединения, включил станок и, обложив бедолагу трехэтажным матом, двинул доделывать прерванную работу. А вослед ему неслись Васины не менее сочные и идущие от всего сердца комментарии, сплошь касающиеся его родни и профессионализма. И не знал он... (смотри выше). Умостившись удобнее на табурете, включает он «самоход» и пару минут тупо пялится на вращающуюся на одном месте фрезу! Судорожно оглянувшись на колупающегося в отдалении в осьминожье проводов электрика, он, вновь перетрогав все ручки и кнопки и отчаявшись решить возникшую на ровном месте проблему, с нутряным вздохом вставил вместо рычага в штурвал горизонтальной подачи длинную трубу и, поднатужившись, заменил собой ходовой винт.

Вдоволь налюбовавшись экзотической картиной, я, приняв загодя стартовую стойку, у него на глазах проделал уже наработанную манипуляцию и, увернувшись от просвистевшей рядышком трубы, практически доказав превосходство физкультурной подготовки перед высоким интеллектуальным началом, стремительно улепетнул от намечавшейся кары по центральному цеховому пролету.

Рыба

В обеденный перерыв почти все «старики», прихватив принесенное из дома съестное, кучковались вокруг массивной разметочной плиты, дабы, зажав в заскорузлых трудовых ладонях металлические костяшки домино, резаться весь обед в эту завлекательную умственную игру. Вот и сейчас, подтрунивая друг над дружкой, они с ужасающим грохотом самозабвенно лупили ими по стальной поверхности. Молодняк же относился к данной процедуре весьма настороженно, так как путь в высшее общество был им заказан изначально и бесповоротно. Вот и потянуло меня на геройство. Дядя Федя, потомственный и почитаемый всеми довольно-таки ехидный токарь, время от времени прихлебывая из литровой бутылки молоко, лихо высаживал одного за другим из игры всех своих соперников, издевательски отзываясь притом на всем понятном производственном языке об их интеллектуальных способностях. Улучив момент и поднырнув под скамейку, умыкаю сию посудину и, из заранее припасенной банки, заливаю туда вместо выпитого тут же молока аналогичную по цветовой гамме станочную эмульсию. Треснув в очередной раз по плите костяшкой и радостно при этом взыв: «Рыба!» – дядя Федя жадно присосался к вожденной емкости... Судорожно выпученные глаза и белая струя, окатившая соплеменников и всенародное добро, в сочетании с хитросплетенным матом завершили сие мероприятие, но не насовсем. Еще несколько минут он носился со здоровенным дрыном за виновником данного спектакля под дикую ржачку окружающей среды. Безуспешно, однако...

1 мая 1960-го

Солнечное развеселое утро, и у «пожарки», где всегда формируется заводская праздничная колонна, уже, приняв по чуть-чуть на грудь, веселятся, распевая песни и приплясывая, «простые советские люди». Путь же пешедралом до площади довольно долог, а по дороге так много «горячих точек»! И уже к десяти часам крепко разогревшаяся толпа, размахивая транспарантами и красными стягами, шустро топала по асфальтовому горбу перед Дворцом пионеров, когда высоко в синем небе, далеко на востоке, вспучились два дымных облачка. А через пару секунд, чуток в сторонке, еще одно. «Во дают! Салютуют-то как рано!» – разнеслось по народу, но мой приятель, инженер-ракетчик, тихо так и как-то задумчиво протянул: «Нет, братцы, уж больно смахивает на наши 13Д, вот только почему и в кого?» Когда, наконец, выбрались на площадь 1905 года и, распевая пришедшуюся по душе крамольную частушку (в ответ на праздничные призывы типа: «Да здравствуют советские машиностроители!!!»):

*Ты лети, наш спутник милый,
Поднимайся до небес!
Прославляй свою Отчизну
— Мать твою, КПСС! —*

вдруг обнаружили отсутствие на высоких трибунах ВСЕХ первых лиц, лозунги, надрываясь в крике, вопили совсем уж никому не известные люди. А по колоннам уже волной катились слухи, что, мол, поймали штук десять американских шпионов, обрастая снежным комом невероятных подробностей. Вечером же весь Свердловск гудел от информации, распространяемой службой ОБС²⁷, что где-то над Кольцово сбит громаднейший американский бомбардировщик с атомными бомбами! Назавтра, ранехонько, вдвоем, на форсированной «Яве» мы сумели проскочить по тропинкам через армейское жидкое оцепление, и у меня дома после долгонько валялся кусочек дюралевой обшивки с английской надписью от самолета разведчика У-2 бедолаги Пауэрса.

²⁷ ОБС – Всенародная информационная система «Одна Баба Сказала».

1963—2003. Солдатские байки

Песня

*...но как порою сложно, ВАШУ МАТЬ,
без мата речь оформить адекватно!*

Законопослушные граждане живут по закону, братки – по понятиям, а солдаты... солдаты – по Уставу. «А Устав... Устав – ЭТО...» – сказал однажды в прекрасном фильме «А зори здесь тихие» симпатичный пышноусый старшина, и этим все было сказано: боевая и политическая подготовка, распорядок дня и т. д. и т. п. А в соответствии с распорядком дня и исключительно с целью окончательного оздоровления всего поголовья защитников Отечества положено было им перед отбоем погулять. И не просто так, умиротворенно глядя на луну и загадывая желания, а пренебреженно строем, да с удалой песней, и в дождь, и в зной, в слякоть и метель, положено так...

А петь-то как не хочется после тяжелого трудового солдатского дня, шлепая двумя сотнями подкованных сапог по периметру военного городка. Но наш бравый старшина, а в простонародье «макаронник», большой любитель хорового пения, имел на сей предмет свою мысль и оттого ее все время думал. А додумав, смачно командовал: «Рота! Запевай!» Рота, сумрачно колотя сапожищами по асфальту, угрюмо безмолвствовала. «Рядовой Ильиных, запевай!» – «Не могу, товарищ старшина, горло болит». Следовал немедленный вердикт: «Два наряда вне очереди! Ефрейтор Тимофеев! Запевай!» – «Не могу, товарищ старшина, нога болит». Неумолимый повтор наказания с усугублением: «Три наряда вне очереди!» И сразу же: «Рота – бегом!» Тяжелое топанье и пыхтение испуганного стада потревоженных бегемотов, затем новая команда: «РОТА!!!» После чего солдаты обязаны перейти на строевой шаг, а затем, промолчав и на этот раз, вновь пару раз совершают пробежку с последующим отбиванием пяток. И вот вконец испуганный дискант откуда-то из середины строя тонюсенькой струйкой заводит: «Вьется, вьется знамя полковое, командиры впереди...» Угрюмо-злые хриплые голоса вразнобой подхватывают всем знакомый припев и тянут-потянут его до самой долгожданной команды: «Разойдись!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.